

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 2

1969

Анатолий СОФРОНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ВЕЛИЧИЕ ДУХА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 2

Анатолий СОФРОНОВ

ВЕЛИЧИЕ ДУХА

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1969

Анатолий СОФРОНОВ

Анатолий Владимирович Софронов родился 19 января 1911 года в Минске. Детство и юность провел на Дону. Работал фрезеровщиком и слесарем на ростовском заводе сельскохозяйственных машин — «Ростсельмаш». В 1925 году вступил в комсомол. В 1940 году был принят в члены ВКП(б). Окончил литературный факультет Ростовского пединститута.

Писать стихи А. Софронов начал на «Ростсельмаше» в 1929—1931 годах. До войны вышли три книги его стихов.

С первых дней Великой Отечественной войны А. Софронов находился в рядах Красной Армии, на Западном фронте, в качестве писателя армейской газеты. Был ранен. После ранения работал в газете «Известия» специальным военным корреспондентом. Печатал очерки, рассказы, стихи в газетах «Правда», «Известия» и др.

Книги стихов А. Софронова продолжали выходить в годы войны и в послевоенное время.

А. Софронов — драматург и публицист. Его пьесы «В одном городе» и «Московский характер» удостоены Государственных премий. Награжден двумя орденами Ленина.

ВЕЛИЧИЕ ДУХА

«...Все мысли, которые имеют огромные последствия,— всегда просты. Вся моя мысль в том, что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое. Ведь как просто».

Л. Н. Толстой.

Да, казалось бы, очень просто, но это бывает только в нашем представлении. Жизнь, ее сложное и противоречивое течение, опровергает это положение. Но, несмотря на каждодневное, временное опровержение, сама мысль остается постоянно верной. Стремление к союзу честных людей неистребимо. Оно переходит из поколения в поколение, и никакие временные неудачи и отступления не могут его вытравить из сознания людей, хотя и временно разобщенных или в ином случае недостаточно связанных друг с другом.

Думается, что Сергей Бондарчук, подняв слова Льва Толстого эпиграфом к своему прочтению великого произведения на экране, сделал это не случайно. Действительно, связь, объединение честных людей в самом широком смысле слова и приносят желаемую, пусть даже чрезвычайно трудную победу.

Нелегко, да, пожалуй, и невозможно назвать более глубокое, объемное и многослойное произведение в русской литературе, чем «Война и мир». Можно только поставить в ряд с «Войной и миром» «Клима Самгина» Максима Горького, «Тихий Дон» Михаила Шолохова... Каждое из них является огромным полотном, высвечивающим события жизни русского общества на разных этапах исторического развития.

Художник, решивший экранизировать такое монументальное произведение, как «Война и мир», уже тем самым берет на себя ответственность быть верным впечатлению, что уже сложилось и отстоялось, проникло в сознание и чувства людей; ответственность особую, не только национальную, но и интернациональную, ибо «Война и мир» — книга, созданная гением

Толстого столетие назад и продолжающая жить как произведение глубоко национальное, философски проникновенное, показывающее величие русского духа,— в то же самое время стала достоянием всех народов земли.

Я воспользовался словом «экранизация», отлично понимая, что данное слово не один раз скомпрометировано несостоявшимся воспроизведением на экране книг отличных, близко коснувшихся души миллионов читателей. Сейчас, когда работа Сергея Бондарчука закончена, мы можем судить о всей картине целиком.

Так что же это такое — экранизация или воспроизведение романа Толстого на экране?..

Думаю, что не ошибусь, если скажу, что работа Сергея Бондарчука является талантливым воспроизведением «Войны и мира» со своим и вместе с тем следующим за Толстым восприятием мира, при скрупулезной точности соблюдения исторических событий, философских и художественных взглядов и, конечно, особенностей творчества великого писателя.

Нас иногда увлекает напряженность сюжета — кто будет спорить, что это достоинство кинематографии?.. Но бывают произведения — а к ним относится «Война и мир», — когда даже самый малый режиссерский произвол не может удовлетворить зрителя.

То, что сделал Сергей Бондарчук со своим постановочным коллективом, является подвигом в искусстве. Подвигом даже не по затраченному труду (сама съемка фильма по метражу, равному пяти полнометражным картинам, заняла два года и два месяца чистого времени), но именно по воспроизведению толстовского духа; воспроизведению той завлекательной толстовской неторопливости, при которой только и можно заглянуть в душу человеческую и увидеть ее многогранно отражающий свет и тени при разных поворотах судьбы...

Многогеройный роман Толстого, конечно же, не укладывался в простую, подогнанную под жесткий прокатный регламент схему. В этом случае все, что несет в себе живое дыхание, чем согреваются души героев, питательная среда, в которой они живут,— все это было бы сметено, невосвратно потеряно. Осталась бы только железная проволока конструкций романа (а она существует у Толстого). Этого-то и избежал Сергей Бондарчук, избежал счастливо, сдерживая себя от соблазна ринуться в ритмичное, калейдоскопичное современное кино. Соблазн этот слишком велик. Не многие режиссеры позволяют себе роскошь медленного рассмотрения глубин души человеческой. А Сергей Бондарчук позволил. Позволил и выиграл.

Если можно сказать, выиграл свое нравственное Бородино, открыв миру — да, именно миру! — величие, высоту русского духа.

Власть истинного искусства такова, что для нее не существует временных категорий. Поэтому роман Толстого, оставаясь во времени описываемых событий, всегда близок и нам, людям, живущим в иных общественных условиях, чем жил Толстой и его герои. Впрочем, Толстой и сам достаточно отдаленно отстоял от событий и жизни героев своего романа. Но то, что было, есть и остается гениальным в литературе произведением, не всегда, как известно, получает эквивалентное и в то же самое время свое собственное воспроизведение на экране. В творчестве Сергея Бондарчука уже раньше, уже в первых его работах, особенно в шолоховской «Судьбе человека», появилось это свое. И когда открылось это свое, то Бондарчук из замечательного актера еще стал и замечательным и, что главное, самобытным режиссером. В случае с «Войной и миром» Бондарчук делит успех с главным оператором фильма Анатолием Петрицким, смело, темпераментно, а иногда и сокрушительно смещенно снявшим фильм. Чего стоят панорамные пейзажи одухотворенной русской природы! Или вызывающие дискуссии кадры, медленно поворачивающие могучий дуб в разные времена года! Или трагические и вместе с тем мужественные съемки сражений! Или взгляд скрученного людьми на охоте волка, сами эти люди, словно бы выходящие ему!.. Перечисление таких кадров может быть бесконечным. Но дело не в перечислении отдельных достоинств фильма. Дело в том, что создан объемный фильм, соответствующий роману не как его кинокопия, а как бы заново рожденный зрительно, — даже и не игровой, а просто очень жизненный. Смотришь, и перед тобой раскрываются картины русской жизни начала прошлого века, картины, в которых действуют толстовские герои, собранные из разных слоев тогдашнего общества, ставшие типическими для своего времени. Определение «типическое», к сожалению, почти ушло из нашего литературоведческого обихода. А напрасно! Определение это точное. Главное же в нем то, что оно имеет в виду не схему характера человеческого, а сам характер в определенных исторических условиях. А какая же гамма характеров у Толстого! И нуждается ли она в славословии или в перечислении?.. Вот так же эти характеры проявлены и в фильме «Война и мир». Они даны в движении и взаимной непохожести. Одним из достоинств Бондарчука-режиссера является то, что он предоставил возможность, исходя из своего метода неторопливого рассмотрения души человеческой, пронести перед глазами зрителей неповторимые толстовские харак-

теры. Серии-фильмы имеют свои названия: «Андрей Болконский», «Наташа Ростова», «Пьер Безухов». И только один средоточен на узловом событии, определившем развитие русской истории в начале XIX века: «1812 год».

И не так-то уж много по времени — семь-восемь лет всего. А какие изменения в жизни героев! «Жизнь между тем, настоящая жизнь людей с своими существенными интересами здоровья, болезни, труда, отдыха, с своими интересами мысли, науки, поэзии, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей, шла, как и всегда, независимо и вне политической близости или вражды с Наполеоном Бонапарте...», — пишет Толстой. Вот эта-то «настоящая жизнь людей с своими существенными интересами» и раскручивается волшебю на экране. И, конечно же, можно только удивиться почти безошибочному выбору актеров, создавших гармонический ансамбль исполнителей главных, да, впрочем, и всех остальных героев фильма «Война и мир».

Наташа Ростова... Восторженная, трепетная, широко раскрытыми глазами смотрящая на мир. Вот она первый раз появляется в фильме, вся — жизнь, вся — порыв ветра, воплощение чистоты и непосредственности. И нет еще горечи в ее глазах, все светло в ее мире, все потрясает воображение... «Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, — эта графинечка, воспитанная эмигранткой-французенкой, — этот дух, откуда взяла она эти приемы... Но дух и приемы эти были те самые, неподражаемые, не изучаемые, русские, которых и ждал от нее дядюшка...»

Как умела она «понять все то, что было в Анисье, и в отце Анисьи, и в тетке, и в матери, и во всяком русском человеке»!

Это в гостях у дядюшки, после великолепно снятой сцены охоты на волков... Сколько еще пройдет времени до той встречи, когда Пьер скажет, смотря из-за очков внимательными глазами в худое, бледное и строгое лицо Наташи: «Ежели бы я был не я, а красивейший, умнейший и лучший человек в мире, и был бы свободен, я бы сию минуту на коленях просил руки и любви вашей». Скажет и увидит глаза Наташи, наполненные слезами...

Людмила Савельева, для которой роль Наташи Ростовской явилась первой ролью в кинематографе, — само воплощение нежнейшего толстовского образа. Не случайно всюду, где смотрят «Войну и мир», — а смотрят ее во многих странах мира! — Наташа — Савельева вызывает самые восторженные оценки.

«Вторая серия грандиозного фильма «Война и мир», поставленного русским режиссером Сергеем Бондарчуком, еще более волнует, чем первая.

В этой серии Наташа выходит в свет, и нам рассказывают о ее несчастной любви к князю Андрею.

Исполнительница Людмила Савельева представляет собой то наилучшее, что открыла в последнее время русская кинематография. Она обладает всеми подкупающими свойствами: грацией, эмоциональностью, задушевностью, сердечностью, внутренней горячностью и непримиримостью... Мастерски направляемая Бондарчуком, она как будто живет самыми сокровенными импульсами романтической героини. У нее нет ни единого взгляда, ни единого малейшего движения, которые бы не вызывали интереса. Можно ли такой юной сочетать в себе больше таланта и обаяния?»

Это отзыв Луи Шовэ из газеты «Ле Фигаро».

Можно бесконечно приводить аналогичные выдержки из многочисленных статей зарубежной печати. И все они вот в таких тонах оценивают Наташу — Савельеву...

Вряд ли кого может оставить равнодушным образ старого князя Болконского. Роль эту играет вдохновенно и цельно А. Кторов. Трудно представить более точный образ. Гордость, замкнутость, подчинение долгу и обстоятельствам, жертвенная любовь к России, внешняя суровость, которой однажды суждено быть сложенной, рухнувшей под напором горького горя,— все в нем прекрасно, все незабываемо, все — от поворота головы, чем-то напоминающей голову старого орла, до твердой походки воина... Вообще плеяда блестящих мастеров Художественного театра как бы составляет прочную сердцевину фильма. Удивительно разнообразен в роли Ильи Андреевича Ростова В. Станицын, добродушно-счастливый, большой и в чем-то беспомощный. Полностью соответствует всей атмосфере дома Ростовых хозяинка этого дома, графиня Ростова — К. Головки. Удивительно хороша в своей холодной светскости А. Степанова в роли Анны Павловны Шерер. Яростно Б. Смирнов в роли князя Василия...

В данном случае мхатовская школа выявила все возможности этих героев фильма, не дав им затеряться в калейдоскопе светского общества.

В. Тихонов, исполняющий роль Андрея Болконского, где-то поначалу казался старше, чем полагалось бы по «Войне и миру». Но смотришь дальше, и то ли привыкаешь к образу, то ли сам актер больше вживается в характер Андрея Болконского, но ощущение некоей неудовлетворенности сходит на нет, и из картины уносишь цельный образ,— может, не совсем такой, каким ты привык себе его представлять, но тем не менее свой, непохожий на других, впитавший черты старого Болконского...

В картине занята блестящая плеяда советских артистов, и

нет возможности говорить подробно обо всех, да еще и не преследуя этой специальной цели. Можно только сказать, что И. Губанова — Соня, А. Шуранова — княжна Марья, А. Вертинская — Лиза Болконская, И. Скобцева — Элен, О. Ефремов — Долохов, О. Табаков — Николай Ростов, молодой С. Ермилов — Петя Ростов, Г. Чохонелидзе — Багратион, Н. Рыбников — Денисов, В. Мурганов — Александр I, В. Стржелчик — Наполеон и другие — все создали те опоры, на которых прочно держится монументальное здание фильма... И все же хочется особо отметить Н. Трофимова и его капитана Тушина. Беззаветная храбрость русского офицера, святая верность воинскому долгу, полная растворенность среди вверенных его началу солдат, отрешенность от величия самого подвига, истинно русская скромность, так гениально обозначенная Толстым, нашли в Трофимове прекрасного исполнителя, полностью отдавшего себя мудрой власти режиссера.

Не один раз приходилось видеть исполнителей роли фельдмаршала Кутузова. Здесь должен был быть свой, толстовский Кутузов. Неуклюжий, дремлющий, скорее, думающий, чем беспрерывно решающий, впитывающий в себя все, еле уловимые движения мысли других людей... История поставила перед Кутузовым величайшую миссию — разгромить победоносную армию Наполеона, вторгшуюся в пределы бесконечно дорогой Кутузову России. Но как разгромить?.. После нравственной победы при Бородино, когда, казалось, все было за то, чтобы под Москвой дать еще одно сражение наполеоновской армии, Кутузов принимает единоличное решение — оставить Москву и тем самым сохранить армию, объединить людей честных на разгром врага. Не так уж много утешений у Кутузова в этот час. Может быть, одно из самых крепких для него — уверенность в том, что французы будут еще «лошадиное мясо жрать»! Но что здесь общего с победоносным сражением?.. Толстовский гений с высоты исторической победы сердцем поддержал это решение великого русского полководца, понимая, что победу венчает ее завершение, а не отдельные этапы, где бывают и отступления и временные поражения... Конечно, наступать всегда приятней и красивей. Но уж так сложилось — и в этом есть свои закономерности, — что агрессоры на какой-то период времени получают преимущества и, опьяненные этими преимуществами, теряют чувство реального, не учитывают потенциальных возможностей своего временно испытывающего поражения противника и в конце концов гибнут. Так было, так будет... И Толстой, а вслед за ним и Сергей Бондарчук, следуя Толстому, показали эту историю не раз подтвержденную правду, — надо только, чтобы честные люди объединились против

людей порочных. Тогда победа является весомой, превращаясь в историческое событие. Для нашего народа такие победы и составляли золотые страницы его воинской славы. Гений же Толстой оставил знаменательные слова на страницах романа: «И благо тому народу, который не как французы в 1813 году, отсалютовав по всем правилам искусства и перевернув шпагу эфесом, грациозно и учтиво передает ее великодушному победителю, а благо тому народу, который в минуту испытания, не спрашивая о том, как по правилам поступали другие в подобных случаях, с простотою и легкостью поднимает первую попавшуюся дубину и гвоздит ею до тех пор, пока в душе его чувство оскорбления и мести не заменится презрением и жалостью». Ах, до чего же любил, понимал и знал свой народ Лев Толстой! Можно только посочувствовать некоторым современным романистам, что именно этого понимания не хватает у них в тех случаях, когда они описывают последнюю по счету нашу войну, из которой мы вышли мужественными победителями. И как тут отказать себе в соблазне еще раз вспомнить Толстого! «...Несмотря на то, что высшим по положению русским людям казалось почему-то стыдным драться дубиной... дубина народной войны поднялась со всею своею грозною и величественною силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупою простотою, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов...»

Вот так и написал граф — «гвоздила»!

Трудная задача стояла перед Борисом Захавой, которому была поручена роль фельдмаршала Кутузова. Не ограничиться только портретным сходством, не воспользоваться многократно повторяемыми легендами и версиями о дремлющем полководце, а раскрыть главное в его характере — понимание великой ответственности перед родиной.

И сейчас, когда мы видим Кутузова не очень уклюдже сидящим на коне, но именно на коне, скачущим вдоль рядов солдат, с которыми вышел он победителем в Отечественной войне 1812 года, можно сказать, что Захава воплотил толстовское понимание сущности кутузовского военного и человеческого гения — цельного, отвергающего любые компромиссы, которые предлагал ему Наполеон... Именно эта сила убежденности в своей правоте дает Кутузову возможность воскликнуть: «Я был бы проклят, если бы на меня смотрели, как на первого зачинщика какой бы то ни было сделки: такова воля нашего народа!»

Правота своего дела — вот что главное. И меркнет Наполеон в своей треуголке и сюртучке, затерянный в Московском

Кремле, озаренном багровым заревом пожаров, и невольно вспоминаются слова, сказанные Толстым: «И не на один только этот час и день были помрачены ум и совесть этого человека, тяжесть всех других участников этого дела носившего на себе всю тяжесть совершавшегося; но и никогда, до конца жизни своей, не мог понимать он ни добра, ни красоты, ни истины, ни значения своих поступков, которые были слишком противоположны добру и правде, слишком далеки от всего человеческого, для того чтобы он мог понимать их значение. Он не мог отречься от своих поступков, восхваляемых половиной света, и потому должен был отречься от правды и добра и всего человеческого». Вот так — отречься. Ибо другого выхода не было. Не было у Наполеона. Не было у других, кто стал на гибельную стезю ради корыстных, нечеловеческих целей. Не будет и нет у третьих, кто сейчас попирает добро и человечность. Наполеоновская треуголка никого еще не спасала от гибели.

Эти мысли — возможно, и не очень новые, — возникают после просмотра всего фильма «Война и мир». Объемность, глубина образов, кажущаяся неторопливость действия, любовь и преданность родной земле, следование толстовскому восприятию исторических событий, философское раздумье о дорогом нам прошлом, всесторонняя разработка характеров героев, подлинная художественность да и многое, многое другое делают киноэпопею «Война и мир» крупнейшим явлением нашей отечественной кинематографии за последние годы. В этом огромная заслуга Сергея Бондарчука, осуществившего этот воистину подвижнический труд. Здесь же хочется сказать и самые добрые слова о создании им обаятельнейшего толстовского образа Пьера Безухова, вечного правдолюбца, удивительно чистого и бесконечно честного человека. Его «хождение по мукам», его становление — от первых моментов растерянности в «свете» до своего особого, человеческого подвига русского человека — раскрыто Бондарчуком мягко и последовательно. Пьер Безухов — в центре киноповествования, и многие события словно бы видятся его глазами... А глаза его широко видят мир, как бы соединяя выдающийся талант режиссера и актера, и соединение этих двух начал доставляет истинное наслаждение зрителям.

И еще об одном думается после просмотра всего в целом фильма «Война и мир». О его патриотизме, о верности земле русской и своему народу. Здесь все так, как и у Толстого: предельно глубоко, без крика, по существу, с ясной позицией художника, любящего свой народ и его историю, хранящего эту историю в сокровенных тайниках своего сердца.

1967 г.

ВОРОТА РОССИИ

Светало... Мы стояли на левом берегу Днепра. А на правом, высокому, берегу вздыбились разрушенные дома. По алею-щему небу ползли черные клубы дыма. Еще была тишина, но уже где-то слышалось урчание танковой колонны, и было неясно, то ли это наши танки занимали позиции, то ли немецкие грохотали по смоленским улицам, в той части города, которая оказалась на 16 июля 1941 года занятой фашистскими войсками.

И еще было горестно. Горестно от всего. Свежие воспоминания грызли сердце. Вспоминались смоленские женщины и ребяташки. Ребяташки с испуганными глазами, вздрагивающие от каждого оружейного выстрела, от рева пикирующих немецких бомбардировщиков. Женщины с бессонными, красными, зареванными глазами. В глазах был немой упрек и недоумение: как же это? Как случилось, что вот здесь, на высотах Смоленска, на его грозных холмах, происходило что-то страшное, страшное такое, чего, казалось, уже ни удержать, ни остановить было невозможно. Колонны отступающих войск шли к Днепру, переправлялись на левый берег, а они оставались здесь, в Смоленске, и в бледных ладонях протягивали нам жестяные кружки, наполненные водопроводной водой. Все это вспоминалось уже на левом берегу, где мы закрепились на относительно долгий срок, долгий для «молниеносной войны», которую объявил Гитлер, рвавшийся к Москве. В ту пору нам еще было неизвестно, что Гитлер установил и срок для захвата Москвы: 7 августа 1941 года. А была середина июля.

«Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии». Тогда нам не все было видно. Любая наша частная победа воспринималась как большая надежда: вот сейчас наконец начнется контрнаступление, серый и злой вал гитлеровцев покатится от ворот России назад, и вздохнут радостно люди, а затем кончится и война. Ведь мы и думать не могли, что это все продлится на несколько тяжелейших лет. Любая частная победа... Ох, как она грела, любая, наши истерзанные души в ту суровую пору!

Начальник генерального штаба сухопутных сил фашистской Германии Гальдер записал в своем дневнике 3 июля 1941 года: «Не будет преувеличением, если я скажу, что кампания против России выиграна в течение 14 дней». Гитлер в те же дни, проводя совещание в штабе группы армий «Север», заявил: «Я все время стараюсь поставить себя в положение противника. Практически войну он уже проиграл». Практически? А практически из Ставки нашего Верховного Главнокомандования

через несколько дней после хвастливого распоряжения Гитлера была отправлена немногословная, суховатая телефонограмма, напоминавшая не столько военный приказ, сколько совет об экспериментальном испытании нового, неизвестного еще нам оружия: «Предполагается широко применить в борьбе против фашистов «эресы» и в связи с этим испытывать их в бою. Вам выделяется один дивизион М-8. Испытайте его и доложите свое заключение». Я не читал заключения наших военных специалистов. Но я видел результаты испытаний «эресов».

На долю 20-й, 16-й и 19-й армий выпала оборона Смоленска. И теперь еще, как сон, вспоминается все, что я тогда видел, будучи писателем армейской газеты «К победе». По заданию редакции мы отправились туда, где все это происходило. Мы видели русскую нашу деревню, пустую, сожженную. Обугленные лошади в последнем скачке лежали на дорогах. Словно прокопченные восковые фигуры, сидели в блиндажах у пулеметов в истлевшей одежде гитлеровские пулеметчики. Их черные пальцы еще сжимали черные рукоятки пулеметов. Живых немецких солдат здесь уже не было. Были только мертвые. Мы ходили по улицам русской деревни, не обращая внимания на слова политрука батальона: «Давайте укрываться, у них снайперы». Щелкнули где-то рядом пули — мы укрылись. Мы видели результаты испытания «эресов». Мы ходили в пыльных кирзовых сапогах по отвоеванной у врага земле, отвоеванной практически через десять дней после петушиного захлеба Гитлера. Мы шагали рядом с солдатами, офицерами и политработниками, на долю и жизнь которых здесь, под Смоленском, так же, как и на других участках фронта Великой Отечественной войны, выпали в первые дни пусть небольшие победы, но победы, составившие через месяцы и годы предмостные укрепления грядущих великих побед.

Гитлер не увидел Москвы ни 7 августа 1941 года, ни позже. В конце 1965 года, находясь в ФРГ, я разговаривал с одним бравым, седым, сохранившим военную выправку немцем. Он сказал мне:

— Я видел Москву.

— Когда?

— В ноябре 1941 года.

— Это как же?

— Я был командиром разведывательного танка. С брони танка в бинокль видел Москву.

Вот и все — с брони танка. Парад в Москве не состоялся. Состоялся разгром немцев под Москвой. Мы помним эти дни в снегах и метелях. Помним тысячи гитлеровцев, вмерзших в дорожные колеи, запорошенных русским снегом. Помним трясу-

щихся, обмотанных чем попало немецких военнопленных, заискивающе улыбающихся, дрожащих от холода и страха. Они дошли до Москвы, но в Москву не вошли. Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, вспоминая те дни, писал: «На смоленской земле все возраставшее сопротивление советских войск, их героическая борьба опрокинули расчеты немецкого генерального штаба на безостановочное движение к советской столице. В Смоленском сражении гитлеровский план «молниеносной войны» дал первую серьезную трещину. Попытка овладеть Москвой с ходу провалилась. Советские войска на два с половиной месяца задержали самоуверенных гитлеровцев, нанесли им значительные потери, заслонили Москву, выиграли время для организации обороны на пути к нашей столице».

Вот что такое «большое видится на расстоянии». Мы же тогда, если можно так сказать, физически не очень ощущали, что именно происходило на смоленской земле и какое значение имела битва, кипевшая на берегах Днепра, только начинающего здесь свое державное течение.

Теперь становятся понятными слова, сказанные генерал-лейтенантом М. Ф. Лукиным, назначенным к концу Смоленского сражения командующим 19-й армией: «У нас как-то принято считать: раз мы уступили поле боя противнику, значит, сражение считается проигранным. С таким утверждением нельзя согласиться». Да, с таким утверждением нельзя согласиться, особенно сейчас, когда прошло двадцать шесть лет после этого сражения и когда мы ровно через двадцать шесть лет стояли снова на смоленской земле, ходили по смоленским улицам и паркам, любовались августовским днем 1967 года этим прекрасным городом, его землей, примыкающей где-то к героической белорусской земле. Как же здесь все изменилось с того июльского дня, когда мы покидали Смоленск, опаленные пожарами и бессонными ночами! Вот уж действительно древний и вечно молодой город, город, существующий более 1100 лет. На страницах одной из первых русских летописей сказано: «Кривичи же сядят на верх Волги, и на верх Двины, и на верх Днепра, их же град есть Смоленск». Город, лежащий на древних торговых путях. Город, сохранивший удивительные памятники, шедевры древнерусской архитектуры — Петропавловскую, Ивана Богослова и Свирскую церкви. «Ключ-город» — так его именовали в древности из-за его географического, а тем самым и военного месторасположения. Он действительно словно бы является ключом к воротам в русские земли. Сколько прошло разноплеменных интервентов, сколько их сложило головы у старинных крепостных стен Смоленска! Как и в эту

Отечественную войну, так и в прошлую, 1812 года, интервенты в сражении за Смоленск потерпели стратегическую неудачу. На одном из взгорий, ведущих к центру города, стоит памятник великому русскому полководцу Михаилу Илларионовичу Кутузову, заставившему отступать наполеоновскую армию по старой Смоленской дороге, по пути ее отступления более чем наполовину уничтожившему бесславных оккупантов, — из Москвы вышло около 107 тысяч французов, а к Смоленску добрались лишь 42 тысячи. Наполеон жестоко мстил России за поражение: Смоленск был сожжен, а смоленский кремль взорван.

История словно бы повторяется. И тогда, правда, через несколько десятилетий, и теперь, в значительно более короткие сроки, Смоленск не только восстановлен, но и привлекает к себе самобытной красотой, новыми стройками, жилыми районами, бережно охраняющейся стариной, мощной промышленностью, задумчивыми лесами и журчащими реками.

Мы жили несколько дней в Смоленске в гостинице «Россия». Каждый день сменялись жители гостиницы. Каждый день возле нее останавливались автобусы и автомашины с иностранными номерами — французскими, западногерманскими, шведскими, датскими... Это натиск туристов, жадно смотрящих на все, что называется Россией. И первые ворота в Россию с западной стороны — Смоленск. Туристы бродят по Смоленску. Гиды переводят с русского на иностранные языки надписи на исторических памятниках. И сами памятники и надписи на них говорят о многом, о прошлом и настоящем, говорят и словно предостерегают: не забывайте — ворота России радушны к тем, кто приходит с миром на наши земли, ворота России беспощадны к тем, кто приходит к нам с войной, кто зарится на наши земли.

...При въезде в Смоленск на высоком холме стоит старый боевой танк, испытанный в боях «тридцатьчетверка». По танку ходят обдуваемые ветрами ребятишки в пионерских галстуках. Ребятишки с почтением прикасаются руками к танку, словно черпают силы в его чудодейственной броне и будто прислушиваются к гудению старого танка. Кто знает, может, еще остался в металле этот тревожный гуд, прошедший через многие годы, оттуда, где мы на рассвете видели город в дыму и пожарах в июле 1941 года, когда у нас сжималось сердце от горести и тоски по родной земле. Но горести нет и тоски уже нет, а есть жизнь на великой русской земле у стен старого и вечно молодого города Смоленска.

ВРЕМЯ РАБОТАЕТ...

Последние два-три года шли в ощущении приближения большого праздника. Пятидесятилетие страны — это не пятидесятилетие одного человека, даже очень уважаемого и любимого. Да к тому же пятидесятилетие государства новой общественной формации. Рабочие, солдаты и матросы, штурмовавшие Зимний, вряд ли загадывали, каким будет праздник пятидесятилетия. Они верили слову Владимира Ильича Ленина, верили коммунистам. Ведь и среди тех, кто штурмовал Зимний, не все были коммунистами. Во время Октябрьского штурма упрочился фундамент векового блока коммунистов и беспартийных, нерушимой связи партии и народа. Фундамент был заложен, здание строилось полвека и за это время не дало ни единой трещины.

Когда наступил новый, 1967 год, до пятидесятилетия остались считанные десять месяцев. Для нас они были временем подведения итогов полувековой истории труда рабочего класса и колхозного крестьянства, успехов научной и творческой интеллигенции, временем воспоминаний героических подвигов и мужества советских людей, временем сбора плодов великой дружбы всех народов Советского Союза. Пять десятилетий, кирпич по кирпичу, строилось наше государство. Строилось и стало невиданно могучим. Конечно же, пятидесятилетие Советского государства не могло доставить удовольствия нашим врагам. Еще бы: столько пророчеств, и все рухнули! Только некоторые «пророки» что-то еще бормочут. Естественно, что нашим врагам — империалистам и их прихвостням, идеологам и пропагандистам капитализма, хотелось испортить праздник хоть чем-нибудь, хоть как-нибудь да испортить. Вся пропагандистская машина была пущена в ход. Их ведь тоже понять надо: не так-то просто объяснить существование, да не просто существование, а еще победное шествие Советского Союза в течение пятидесяти лет. Что и говорить, штука непростая. Тут уж, хочешь не хочешь, подгребешь, что под руку попало... Вот и подгребали от маразматика Керенского до кликуши Алилуевой. Не брезговали никакими инсинуациями и гадостями. Но все они лопнули, как мыльный пузырь. Как ни смазывали пропагандистскую машину, работала она со скрипом, на холостом ходу, и огромных затрат не оправдала.

Не сработала пропагандистская машина и по другим направлениям. Китайские раскольники в оголтелых радиопередачах грозили нам чем попало. Нашли кого запугать! Всякие были у нас годовщины. И ничего, слабее мы от них не стали. Двадцать пятую годовщину Октября, помню, встречали мы в землянке брянских партизан.

Было 7 ноября 1942 года солнечным и каким-то особенно торжественным среди сосен брянского леса, запорошенных снегом. На лесной полянке начальник штаба объединенных партизанских отрядов Брянщины товарищ Матвеев вручал героям дерзких рейдов ордена Ленина и Боевого Красного Знамени. Двадцать пять лет тому назад! Четверть века! Мы пели тогда в землянках партизанские песни и мечтали о будущем. Многих из тех, кто сидел в ту пору с нами в землянках, уже нет в живых, а будущее, о котором мы мечтали, стало явью — оно перед нашими глазами.

«Такого великолепия красок Москва еще не видела. В столицу приехали в своих ярких национальных нарядах делегации из всех частей многонациональной страны, а также иностранные гости. Никогда еще в Москве не было столько цветов. 50-я годовщина революции — это народный праздник, в котором участвуют все». Кому принадлежат эти слова? Уж не самым ли близким нашим друзьям? Да нет же, отнюдь не самым близким. Эти слова принадлежат московскому корреспонденту западно-германской газеты «Рейнише пост», рассказавшему на страницах своей газеты об атмосфере, царившей в советской столице в дни празднования пятидесятилетия Октября.

Может, это — случайное свидетельство не в меру впечатлительного корреспондента? Нет, не случайное.

«10 дней октября 1917 года не только потрясли, но и изменили мир,— пишет гамбургская газета «Ди андере цайтунг».— За 50 лет Советский Союз совершил то, для чего индустриально высокоразвитым странам Западной Европы и Северной Америки потребовалось минимум 150 лет. Из самой отсталой среди крупных европейских стран Россия стала крупнейшей промышленной державой Европы и Азии, производящей больше стали, чем Англия, Франция, Западная Германия и Италия, вместе взятые. И все это было достигнуто в борьбе с невиданными трудностями и фанатичными врагами».

По поводу фанатичности врагов гамбургская газета, несомненно, более осведомлена, чем мы. Всего два года назад я был в Гамбурге, видел этот крупнейший город Западной Германии зимой, в пред рождественские дни. Видел я там и новые, современные, совсем по-американски построенные дома и развалины жилых кварталов Гамбурга — это еще со времен американских бомбардировок. Вроде бы и не пристало сейчас укорять американцев, в ту пору наших союзников, за эти бомбардировки: была война, и мы сражались со злейшим нашим врагом — немецким фашизмом. Но, странное дело, вместо того чтобы сосредоточить тогда силы на открытии второго фронта, американская авиация громила рабочие кварталы, убивала женщин и

детей Гамбурга, Дрездена и других немецких городов. И делала она это так же упорно, с такой же последовательностью, с какой совершает сейчас свое грязное дело во Вьетнаме.

К слову сказать, коль скоро речь зашла о ФРГ, безумные идеи реваншизма тревожат головы не только некоторых одряхлевших умом и телом старцев Западной Германии. Есть еще там силы, которые молятся на печальной памяти одну из мюнхенских пивных, откуда, словно из купели, был вынут брызжащий пеной Гитлер.

Перед самыми праздниками в Советском комитете солидарности стран Азии и Африки пришлось мне беседовать с министром обороны Уганды, генеральным секретарем партии «Народный конгресс Уганды» Феликсом Онама. Мой собеседник был в отличном настроении. Предпраздничная Москва пленила его своим многоцветьем. Он высоко оценивал роль Советского Союза в освобождении африканских народов от колониализма. «Мы научились многому за это время,— говорил он,— и когда почувствовали в нашей стране происки империалистических агентов, пытавшихся повернуть нашу страну на старый путь — подчинения капитализму, мы нашли в себе силы вышвырнуть этих агентов из Уганды. Мы узнали за эти годы не только наших врагов, но и узнали подлинных наших друзей». И это были не только слова. Именно в эти дни газета «Уганда аргус», выходящая в городе Кампале (столице Уганды), под заголовком «Сотрудничество во имя прогресса» опубликовала специальное приложение на четырех страницах, на которых рассказала о грандиозных достижениях трудящихся Советского Союза, о дружбе, экономическом и культурном сотрудничестве между Советским Союзом и Республикой Угандой.

В эти же дни в помещении Национального театра Общество угандийско-советской дружбы и культурных связей устроило прием по случаю 50-й годовщины Октябрьской революции.

Три года тому назад в составе делегации Советского комитета солидарности стран Азии и Африки были мы в Уганде. Ее нынешний президент Милтон Оботе принял нас. Встреча была по-настоящему сердечной. Милтон Оботе высказал тогда мысль о необходимости создания Общества угандийско-советской дружбы. Эту мысль он повторил в совместном выступлении с представителями советской делегации по телевидению. Прошло три года — отношения Советского Союза с этой удивительно красивой страной, с ее правительством, с ее веселым и мужественным народом значительно окрепли.

В эти же предпраздничные дни мы встречались с руководителем партизанского движения Анголы, симпатичным и мужественным человеком, замечательным поэтом Аугустиньо Нето.

Известно, что Советский Союз оказывает большую моральную и материальную помощь революционной армии Анголы, борющейся с португальскими колонизаторами. На освобожденных от португальских колонизаторов территориях (а их уже много) началась новая жизнь свободных людей. О ней рассказал нам Аугустиньо Нето. Он обратился к нам с просьбой увеличить тиражи учебников, печатающихся у нас для ангольских ребятишек. Необходимы ученические тетради, ручки, чернила и карандаши. Ангольские ребятишки в школах, расположенных в джунглях, пишут углем на коре. Надо присылать лекарства, перевязочные материалы (идут бои — нет ваты и бинтов), сгущенное молоко для детей, одежду, одеяла...

Аугустиньо Нето беседовал с нами не торопясь. Все, о чем он говорил, имело большое значение... В конце беседы я спросил его:

— Остается ли время писать стихи?

Нето мягко улыбнулся:

— Нет, сейчас мы сражаемся.

— Но в этом году, в марте, «Огонек» печатал ваши стихи?

— Они были написаны раньше.

...Весной этого года вместе с делегатами III конференции писателей стран Азии и Африки, происходившей в столице Ливана Бейруте, мы посетили столицу Сирии — Дамаск. Это было начало апреля. Под Дамаском цвели абрикосовые сады. Все было в розовато-белом мареве. Был праздничный день. В садах отдыхали тысячи жителей Дамаска. Дети звонко смеялись, качались в гамаках. Но мы чувствовали, что здесь не все так безоблачно, как этот весенний день, как апрельское синее небо. На центральной площади сидели группами сирийские солдаты. Некоторые из них пили чай, купленный здесь же у уличного торговца. По городу разъезжали грузовые автомашины с солдатами. Военные машины стояли рядом с автобусами, в которых сотни мусульман отправлялись на поклонение в священную Мекку. Мы были всего два дня в Дамаске, но и за этот короткий срок почувствовали тревогу сирийцев: в воздухе пахло войной. Запахом войны тянуло от границ Израиля. Сирийцы проявляли особое расположение к нам, людям из Страны Советов. Тут все знали о помощи Советского Союза Сирии, о том, как на Евфрате идут первые изыскания, связанные с подготовкой к строительству так необходимого сирийскому народу крупного гидроэнергетического узла. Символ Асуана шел от одной арабской страны к другой...

Через два месяца Израиль совершил вероломное нападение на ОАР, Сирию, Иорданию. Всему миру известна решительная позиция и реальная помощь арабским государствам со сто-

роны Советского Союза. Несмотря на попытки империалистов и реакционеров поссорить арабские государства с Советским Союзом, дружба арабов и советских народов стала еще крепче. Друзья действительно познаются в беде.

Поэтому так естественно, что у советского посольства в Дамаске и в самом посольстве в дни празднования пятидесятилетия собирались многочисленные делегации. Здесь были самые разные люди: ученые, писатели, служащие, рабочие, крестьяне, студенты, школьники.

«В эти дни наши взоры, как и многих миллионов тружеников планеты, прикованы к столице первого в мире социалистического государства, рожденного славным Октябрем,— заявили члены рабочей делегации из сирийского города Дера.— На сегодняшнем торжественном собрании в Кремлевском Дворце Коммунистическая партия Советского Союза, правительство СССР доложили советскому народу и всему миру о тех замечательных свершениях, которые произошли за 50 лет в Стране Советов. Мы вместе со всем прогрессивным человечеством радуемся этим успехам и желаем стране Октября новых побед во всех областях человеческой деятельности».

Алжирская газета «Эль-Муджахид» на первой полосе опубликовала проникновенные слова, обращенные к народам Советского Союза: «У Алжира есть свои особые причины, чтобы в полной мере присоединиться к празднику советских людей, торжественно отмечающих эту историческую дату. Эта причина — прочная и продолжительная дружба, которая связывает наши народы.

Эта дружба восходит ко временам нашей освободительной борьбы, когда Советский Союз был на нашей стороне и оказывал нам помощь. Эта дружба все более крепла с годами и после достижения нами независимости. Доказательств тому слишком много, чтобы их здесь можно было перечислить. Достаточно вспомнить о советских военнослужащих, которые погибли на нашей земле, когда они бок о бок с нашими соотечественниками работали на разминировании алжирских границ. Достаточно сказать о 300 советских врачах, которые оказывают медицинскую помощь нашему населению. Достаточно, наконец, сказать о помощи, которую Советский Союз оказывает нам в экономическом развитии.

Именно поэтому 50-летие Октябрьской революции, праздник советского народа,— это и наш праздник!»

Несколько раз по дороге в Австралию я приземлялся в Сингапуре. Обычно это был поздний вечер. Шумный аэропорт Сингапура, словно узловая станция, всегда наполнен разноязычной речью. Где-то за пределами аэропорта угадывалась другая

жизнь. Скучали шоферы такси возле своих машин. Неоновые огни освещали небольшие лавочки уличных торговцев. Но однажды я смог несколько ближе познакомиться с сингапурцами. Судьба свела меня в Танзании, в городе Моши, расположенном вблизи подножия самой высокой африканской горы Килиманджаро, с делегацией Сингапура, прибывшей на III конференцию солидарности стран Азии и Африки. Это были молодые люди разных профессий, желавшие внести вклад в дело борьбы с колониализмом. К сожалению, китайские раскольники тогда сделали все, чтобы сингапурцы не были допущены на конференцию в качестве делегатов. Посланцы Советского Союза, замечательный турецкий поэт Назым Хикмет и многие другие наши товарищи подружились с сингапурцами. В 1967 году на сессии Совета афро-азиатской солидарности, происходившей в Никозии на Кипре, сингапурский комитет солидарности стал полноправным членом афро-азиатской солидарности.

Конечно, сингапурская газета «Стрейтс таймс» в ноябре 1967 года полностью не отражала мысли и думы наших сингапурских друзей. Но то, что было ею сказано, свидетельствует: и туда, в Сингапур, долетели ветры понимания, трезвой оценки роли и значения Советского Союза. «Что бы ни говорили о русских на протяжении последних 50 лет, им следует отдать должное,— писала газета.— Они замечательные люди. Русские начали с 70-процентной неграмотности населения, а сейчас у них имеется целая плеяда талантливых инженеров и специалистов в различных областях знаний. У них наибольшее число врачей на тысячу человек населения. Это самый высокий показатель в мире. Они оставили позади Соединенные Штаты и другие западные капиталистические страны. За 50 лет они прошли колоссальные трудности — гражданскую войну, войну с фашистской Германией, что стоило русским свыше 20 миллионов убитыми, разрушения, голод и лишения. Русские раскрыли таланты необъятной массы крестьянства. Миллионы и миллионы советских семей живут в отдельных благоустроенных квартирах с удивительно низкой квартплатой... Русские смотрят в последующие десятилетия с уверенностью...»

Десять лет назад в Каире открылась Первая конференция солидарности стран Азии и Африки. Советский Союз, Индия, Египет, Япония, КНР, Сирия, Алжир, Ирак, Бирма, Эфиопия, Цейлон и многие другие страны направили своих делегатов в столицу Египта.

Многие африканские страны тайными путями, через заградительные кордоны и полицейские рогатки еще господствовавших тогда в Африке колонизаторов послали своих делегатов. Они по одному прибывали на конференцию, и делегаты овация-

ми встречали каждого из них. Все это у нас в памяти. В памяти многотысячные толпы египтян, рукоплесканиями встречающих делегатов конференции. За эти годы выросла и окрепла афро-азиатская солидарность, несмотря на попытки китайских раскольников оторвать от Советского Союза народы Африки, Азии и Латинской Америки. Если на первых порах находились люди, поддававшиеся на цветистую, но грубую демагогию пропагандистов Пекина, то сейчас ряды их сильно потаяли... Народы всего мира и за эти годы убедились в незыблемости ленинского пути Страны Советов, Коммунистической партии Советского Союза. Апофеозом полувекового пути нашей Родины явилось празднование пятидесятилетия Октября. Почти сто стран от лица коммунистических и рабочих партий, от лица многих социалистических партий и организаций, от лица борцов за свободу и национальную независимость, от лица стран, сбросивших иго колониализма, прислали своих представителей на торжественное заседание Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР.

...Москва. Кремлевский Дворец съездов. Улицы и площади Москвы и Ленинграда. Столицы всех наших союзных республик, все народы Советского Союза открыли свои сердца дорогим гостям. И это было не просто «все флаги к нам». Гости выходили на трибуны Кремлевского Дворца съездов, торжественных заседаний в Москве и Ленинграде, в союзных республиках... И от души произносили слова благодарности и уважения Коммунистической партии Советского Союза, народам СССР за их великий подвиг на благо всего человечества. Главы делегаций социалистических стран, руководители и главы делегаций испытанных в боях коммунистических партий капиталистических стран Европы, Соединенных Штатов Америки, стран Латинской Америки, Азии и Африки единодушно одобряли деятельность Коммунистической партии Советского Союза, ее успехи за полстолетия.

Воодушевленно был принят доклад Генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза Леонида Ильича Брежнева. Верные своим поискам сенсаций, корреспонденты телевизионной компании «Америкэн бродкастинг компани», передавая с помощью спутника связи репортаж из Москвы, отметили, что шесть тысяч участников торжественного заседания 125 раз прерывали аплодисментами выступление Л. И. Брежнева... Да, чудесно хороша была столица нашей Родины в эти праздничные дни. Словно по заказу, стояла теплая, солнечная погода. И, озаренный этим осенним солнцем, особенно ярко и внушительно выглядел мощный военный парад на Красной площади 7 ноября 1967 года. Парад в день пятидесятилетия!

Перед праздниками в Кремле был открыт памятник создателю Советского государства, организатору нашей Коммунистической партии Владимиру Ильичу Ленину. Среди заснеженных елей Ильич, словно бы живой, сидит и с мудрым прищуром оглядывает все, что свершилось за полстолетия не только на его родной земле, но и на всей беспокойной планете Земля.

«Исторический итог истекшего полувека,— говорил Л. И. Брежнев,— состоит в том, что соотношение сил на мировой арене коренным образом изменилось в пользу рабочего класса, в пользу всех сил прогресса, демократии и социализма».

Естественно, что капиталистический мир, его магнатов и идеологов беспокоят успехи Советского Союза, успехи всех социалистических стран, международного революционного движения, национально-освободительного движения в Африке, Азии и Латинской Америке. Варварская война Соединенных Штатов Америки против героического Вьетнама — это тоже своего рода «беспокойство», попытка остановить революционное движение народов. Агрессию Израиля против ОАР, Сирии, Иордании, питающуюся зримой и незримой поддержкой США, тоже можно отнести к такому «беспокойству». Но все эти попытки, хотя и кровавые, остаются попытками с негодными средствами. Вьетнамский народ никогда не будет поставлен на колени! Никому не дано повернуть вспять арабские народы, ставшие на путь строительства новой жизни.

Токийская газета «Санкэй Симбун», анализируя путь СССР за пятьдесят лет, высказывает пожелание советской революции и международному коммунистическому движению, чтобы они «избегали противостояния капитализму, перенимая друг у друга лучшее». Что же, мы никогда не чурались перенимать и у капиталистического мира лучшее, что есть у него в области науки и техники, но что касается самого капитализма, то Октябрьская революция и все, что последовало за ней,— могучее революционное и национально-освободительное движение во всем мире,— и являются классическим «противостоянием капитализму», и не просто противостоянием. Мы активно стремимся к тому, чтобы навсегда исчез мир капитализма, мир угнетения и эксплуатации человека человеком.

В этом уже отлично разобрались миллионы людей на всем земном шаре.

В этом начали разбираться и те, чьи головы еще недавно были забиты легендами о «железном занавесе», о коммунистической узурпации и т. д. Не так давно американский авианосец «Интрепид» покинули четверо молодых американцев. Еще совсем юноши. Трое из них только в январе 1967 года, после окончания школы, были призваны в армию и отправлены в Ти-

хий океан на авианосец. Самому старшему из них, Джону Барилла, 20 лет. В январе 1968 года он мог закончить службу и вернуться на родину. Но он не пожелал этого сделать... Мы поделись с юными американцами в Москве. Один из них сказал мне: «Я потерял своего отца. Разошелся с ним во взглядах на государственное устройство Соединенных Штатов. Отец считает это устройство идеальным и не требующим перемен. Я придерживаюсь противоположной точки зрения. Мы разошлись...» Оказывается, линия «противостояния капитализму» проходит не только через сердца советских людей, политических деятелей, активно борющихся с капитализмом, но и через сердца рядовых людей, думающих о будущем устройстве мира.

...Мы празднично закончили 1967 год, год пятидесятилетия Октября. Празднично, но не бездумно. У нас впереди много работы, много еще нерешенных задач. Эти задачи ясны нашему народу. Мы сделаем все, чтобы наша революция и дальше шла по пути активного «противостояния капитализму». Время работает на нас. Время работает на коммунизм. С этими мыслями мы закрываем последнюю страницу полувековой книги борьбы нашего народа и открываем первую страницу 1968 года, первого года второго полувека строительства коммунизма.

1967 г.

СЛОВО О РАБОЧЕМ КЛАССЕ

Праздник... Великий праздник... Это для нас, для тех, кто носит советский паспорт, для тех, кто прожил все эти годы со своей страной, молодой ли, старый. Жизнь идет, каждый год в строй сознательных борцов за идеи Октябрьской революции входят новые миллионы молодежи и на нашей советской земле и на других землях...

Через полвека до сих пор отдается легендарный выстрел «Авроры». Все мы уже словно бы хрестоматийно знаем историю, ее героев, главные события; самое важное, отлично знаем, для чего во главе с Лениным была совершена Октябрьская революция, для чего отдали свои жизни миллионы людей на царской каторге, в годы гражданской войны, в годы испытаний на всем протяжении десятилетий Советской власти. Отдали не только жизни, но свои таланты, свой труд, свой созидательный разум родной земле все, кто, собственно, и составляет основу нашей страны и, главное, ее костяк, рабочий класс — миллионы людей, идущих по зову фабричных и заводских гудков ранним утром и в обед в свои смены к станкам. Все это для нас и да-

лекая история и очень близкие события. Те, кто был в этих рядах, всегда сохраняют в сердце неповторимые краски рассвета, запах промасленной спецовки, гул заводских моторов, всю поэзию жизни рабочего класса, все, что связано с трудом и строительством.

В праздники хочется говорить возвышенно, но сам себя ловишь на том, чтобы слог был не такой уж пафосный, если можно так сказать, обыкновенный, ибо за обыкновенностью и видны те грандиозные события, которые произошли за последние пятьдесят лет. Невольно думаешь о себе, о своих друзьях и о тех, кто живет и трудится, и о тех, кого нет в живых, но по добромудрию внесших самое ценное, что есть у человека, — свою жизнь, в жизнь своего народа.

У каждого из нас есть свои университеты, иногда они заканчиваются без получения дипломов. Но и дипломы не всегда сохраняются, не всегда в них заглядываешь. Дипломы желтеют, отметки за науку забываются, остается в памяти главное, что было в тот или иной период жизни, и как он, этот период, отразился на тебе. И снова и снова обращаешь свой взгляд к рабочему классу России, многонациональному рабочему классу Советского Союза, к тем, кто создает ценности, ценности вечные, непреходящие.

Кажется, все в юности бывает просто: песня, ребячья дружба, первая любовь, первые увлечения, первые горести и неудачи. Но есть что-то такое, что как бы держит плотно в своем составе, как бетон, все события жизни. Именно в эти дни хочется и вспомнить дни первой пятилетки, зарю, которая осветила строительство первых социалистических гигантов нашей индустрии — Сталинградский тракторный, Кузнецк, Магнитогорск и, конечно же, мой родной и незабываемый «Сельмашстрой», ныне «Ростсельмаш», выросший под Ростовом-на-Дону, в донской степи, сухой и полынной летом, завьюженной и запорошенной снегами зимой. Выросший для того, чтобы дать нашим степям и полям, только входившим в колхозный строй, трудно, с огрехами, с поражениями и победами, дать этим степям и полям машины, чтобы работалось сельским труженикам легче, чтобы были большие урожаи, а тяжелый труд землепашца наконец приобрел и в отставшей не только индустриально, но и аграрно России более современные качества. Ох, как это не просто делалось!

Что такое восемнадцать лет? Рубеж жизни. Юноша начинает понимать, что такое труд, потому что сам принимает участие в этом труде. Мы сейчас встречаем в обеденные перерывы или после окончания работы чисто одетых, веселых юношей и девушек, идущих с фабрик и заводов. Не отличишь порой, где ра-

бочий, где инженер, где техник,— настолько изменился и внешний облик нашей рабочей молодежи. А тогда, в 1929 году? Это я помню.

Помню снежные заносы, когда не ходили трамваи, не было автобусов, а надо было прийти к семи часам утра на завод, миновав шесть километров пешком, пробиться через занесенную снегом рошу, в сугробах выше колен, и с горящими от ветра и мороза щеками встать к станку, включить самоход в семь утра, включить его и ждать приближения старого мастера.

И я помню мастеров, которые учили меня. Их уже нет в живых. Старые потомственные металлисты, знающие отлично фрезерные и токарные станки,— Александр Герасимович Медведев и Сергей Прокофьевич Французов. Я помню их добрые глаза, добрые и внимательные. Они о нас тогда знали все. А мы смотрели на станки, прибывшие из-за океана, станки, которые только-только были вмонтированы в цемент и бетон, к ним только что был подведен электроток. Еще не было у нас фабрично-заводского обучения, а учили нас прямо у станков наши мастера. Это была нелегкая учеба. Может, и не очень, но мы все-таки понимали, чего стоил каждый фрез,— он оплачен золотом.

Станки, инструмент шли из Америки, Германии, Англии. Наши станков было еще мало. Помню я холодную испарину и даже испуг, когда я работал на резбифрезерном станке «Пфаутер» и у меня «заел» фрез, остановился самоход. Пока я выключил ток и поднял суппорт, на стол станка медленно упал смоченный эмульсией зуб импортного фрезы. О, это было ужасно!

Но все проходит. Прошли и мы период ученичества, и многие из нас стали мастерами. Молодые рабочие, которые и учились и работали на заводе, изучали эти иностранные станки и давали им другие скорости. Сейчас все помнится — каждый год, каждый шаг вперед.

И как же в эти дни не вспомнить мне одного из прекрасных моих друзей, Сергея Лебедева, с которым мы были в одной токарно-фрезерной бригаде, в цехе уборочных машин «Ростсельмаша»! Он обладал высокими качествами руководителя производственной группы, умел, будучи сам молодым, научить других — он стал мастером, а я ушел, как говорится, в литературу. Но именно там, на заводе «Ростсельмаш», мы прошли первую закалку.

Теперь все это стало историей. И каждый наш завод (а их тысячи) и каждая наша фабрика (их также многие тысячи), от самых маленьких до гигантов нашей индустрии, все вместе, — становой хребет нашего государства, которое побеждало и побеждает от первых дней революции до настоящего времени.

И снова работает память... Я вспоминаю все тот же «Ростсельмаш», решеточную мастерскую и себя подручным слесаря. Это было еще раньше, до того как я стал фрезеровщиком. На крыше кузнечно-прессового цеха с бригадой Березина мы монтировали «решетки», а иначе говоря, железные рамы. И вдруг услышали передававшийся по заводу, словно эстафета, клич:

— Приехал Горький!

— Приехал Максим Горький!

Не было гудка на заводе, который остановил работу, но мы все, на ходу надевая майки, чтобы явиться более или менее приличными в мастерскую, бежали, чтобы увидеть его, Максима Горького, человека, который хорошо знал старый русский рабочий класс. Это он отшагал по землям России, видел большаки и дороги, сам написал изумительную книгу «Мать». Первым в русской литературе с огромной силой, а главное, с любовью создал образы Павла Власова, Ниловны и других рабочих, вывел на сцену впервые машиниста-рабочего в пьесе «Мещане».

Что он, как он на нас посмотрит, на белобрых, потных, курносых, веснушчатых ребятишек? Что он нам скажет, а, может быть, потом что-либо и напишет? Мы бежали в мастерскую, на ходу вытирая пот, бежали под гулкие своды будущего цеха оборочных машин и остановились как вкопанные. Максим Горький стоял около небольшой нашей сцены, с которой цеховые ораторы произносили речи, подводили итоги социалистического соревнования, называли имена первых ударников (это было еще до стахановского движения). А теперь там стоял Горький, простой, в белой косоворотке, с острыми плечами, острыми скулами и седоватыми усами. Он смотрел на нас и молчал. Его попросили подняться на помост, говорили какие-то слова, пожимали руки, кричали:

— Да здравствует Горький!

И снова просили:

— Скажите, скажите нам, Алексей Максимович, мы ждем вашего слова.

А он молчал. Молчал, и по щекам его катились слезы, он вытирал их ладонью, а потом прерывисто сказал:

— Что я вам могу сказать? Вы строите новую жизнь, вы сами должны говорить, а не я.

А потом он нас покинул и улыбался доброй и чуть виноватой улыбкой, наверно, потому, что не произнес речи. А мы шли за ним до самой проходной, и опять шумели, и выкрикивали слова:

— Да здравствует Горький!

Именно там для меня и для моих товарищей по заводу пришло это словно бы новое понимание великого слова «труд». Вот приходил, посетил нашу мастерскую Горький. Он знал труд, труд подневольный, в пекарнях, на пристанях, почти бурлацкий труд,— он все испытал в жизни. Но он увидел то, чего мы сами тогда по молодости лет, по всему тому, что происходило с нами, не всегда понимали. А теперь, по прошествии десятилетий, мы стали многое понимать и не то чтобы переоценивать свой труд и труд своих товарищей, но просто чувствовать, что так же, как мы, молодые, были преемниками старых рабочих, прошедших школу на Путиловском заводе или в том же Ростове-на-Дону, в Железнодорожных мастерских или на Донской табачной фабрике,— так и сейчас, многократно увеличенная, поднимается новая рабочая поросль, те, кто строит уже в совершенно новых условиях, в условиях социализма, наше государство, подошедшее к своему полувековому юбилею.

Потому-то, где бы ты ни был — и в своей стране, в Сибири или Казахстане, или где-нибудь в Болгарии или Польше, а то и еще дальше,— невольно у тебя гулко забьется сердце, если вдруг увидишь комбайн с маркой «Ростсельмаш». Снова тогда память тебя вернет к жарким июньским дням 1932 года, когда мы впервые в Советском Союзе выпускали первый заказ — 1700 комбайнов. Наверно, уже ни одного из этих 1700 комбайнов нет даже в музеях, но мы-то это помним, помним третью смену, и обеденные перерывы ночью, и звездное ростовское небо, и все, что было связано с этой цифрой «1700».

Я пишу о заводе, на котором вырос и который стал действительно моим университетом, не потому, что я обрел когда-то там рабочую профессию, а потому, что там была настоящая школа гражданской, комсомольской выучки. И как сталь проходит термическую обработку, так и наши сердца проходили эту термическую обработку гражданственности, ответственности перед своей Родиной за каждый шаг, за каждое движение сердца, за каждое слово.

Многое и, пожалуй, самое яркое в моей жизни связано с «Ростсельмашем». Может быть, поэтому я с таким вниманием постоянно слежу за трудовыми успехами родного мне коллектива, радуюсь его удачам, горжусь его славными делами.

Года два назад я был в Федеративной Республике Германии. В городе Эссене нам наспех показали один из цехов, который выпускал электровозы. Мы попросили разрешения нашего сопровождающего, если можно, обменяться несколькими словами с рабочими, которые монтировали эти самые электровозы. Я подошел к одному, поздоровался, спросил его, как он живет, догадывается ли, откуда в этом цехе появились незнакомые для

него люди. Рядом с нами был инженер, мастер и какой-то человек, который нас сопровождал. Рабочий замаялся, огляделся по сторонам и сказал, что он не догадывается.

— Из Советского Союза мы. Слышали вы о нем что-нибудь?

— Да, конечно.

— Что вы думаете о советском рабочем классе?

— Думаю, что это прочный рабочий класс, потому что он делает спутники и хорошие машины.

Я поблагодарил своего собеседника. Возможно, он и должен был это сказать, потому что вопрос был поставлен довольно прямо. Но я не об этом. Я отошел от него, а потом обернулся. Он пристально смотрел нам вслед, а потом сделал неувольный приветственный знак рукой.

Это были крупновские заводы, рабочие которых находятся в более привилегированном положении, чем рабочие многих других предприятий ФРГ. И когда в помещении конторы мы беседовали с представителем дирекции и он расхваливал социальное обеспечение,— повторяю, несколько лучшее, чем на других предприятиях ФРГ,— я ему сказал:

— Вашим рабочим помогают советские люди...

— Это как же?

— А так. Вы вынуждены идти на уступки, ибо мы вас подпирем со всех сторон своим социальным законодательством, своими больницами, санаториями, пенсиями и многим-многом другим, что появилось в результате завоеваний Советской власти.

Представитель дирекции ответил:

— Да, пожалуй. Я не думал об этом и не хочу с вами спорить. Я бывал в СССР и могу сказать, что ваши рабочие действительно сейчас находятся в хорошем положении. Но мы тоже стараемся... Правда, у нас есть некоторые противоречия...

Он знал, о чем говорил: в это время в ФРГ прокатывались забастовки, где-то закрывались шахты, люди оставались без работы.

Я вспомнил об этом, думая о монолитности нашего рабочего класса, о том, что он сейчас, неся в своей сердцевине прекрасные традиции русского рабочего класса, его революционной партии, во многом преобразился, вырос, если можно так сказать, стал интеллигентнее, образованнее, технически грамотнее. Это особенно заметно, когда мы бываем не только в цехах, а и в домах культуры, на различных встречах, на литературных вечерах; видим сотни и тысячи молодых жадных глаз; видим людей, слушающих стихи, рассказы писателей; видим спектакли заводской самодеятельности; слушаем прекрасные ан-

самбли и симфонические оркестры, исполнителями в которых являются рабочие — наша слава, наша гордость, опора Советского государства, его величество Рабочий Класс.

Об этом особенно думается еще и потому, что именно сейчас мы видим прочный идейный и моральный сплав рабочего класса, нашего колхозного крестьянства, технической и творческой интеллигенции, думающих и мечтающих людей, решающих серьезные задачи экономического подъема нашей Родины. И обо всем этом думается особенно отчетливо еще и потому, что, образно представляя наш путь, кажется, что, словно по огромным ступеням, прошагали мы из года в год к нашему полувековому юбилею — пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции.

Родина моя! Широкие просторы! Как люблю я и синие горы и широкие золотистые поля! И до чего же бывает красив индустриальный пейзаж, когда ты ночью мчишься поездом через Донбасс или по Уралу и кажется тебе, что эти мигающие яркие цветные огни составляют незабываемую симфонию труда, труда советского свободного человека!

1967 г.

ДВЕ НЕДЕЛИ В ГОСТЯХ У АРАБОВ

Снова Каир

Да, снова этот шумный, жаркий и душный летом, с весенней сочинской погодой зимой город, столица Объединенной Арабской Республики.

Но сейчас было лето, самое жаркое время. Как сказали в Москве в день отлета: сегодня в Каире днем было 44 выше нуля. О том, что выше нуля, можно было и не прибавлять. Ниже нуля в Каире не бывает.

Но мы вылетали из Москвы вечером самолетом, летящим в Хартум. Оставалась надежда: а вдруг к ночи жара спадет. Разницы во времени между Москвой и Каиром нет. Минута в минуту с московским временем мы прилетели в Каир и вышли из самолета. Тепло предбанника дохнуло на нас. Запах бензина и горячего асфальта. Нас встречали друзья. Они были в легких рубашках навывпуск. Один из них сказал:

— Вам повезло. К ночи температура опустилась до тридцати градусов. Вы чувствуете, какая прохлада?

И в самом деле, когда мы подходили к зданию аэропорта,

откуда-то из пустыни, из-за частокола темневших в ночи пальм потянуло свежим ветерком.

Вскоре мы уже ехали по ночному настороженному Каиру, городу, с которым у меня связаны многие добрые воспоминания.

Горели неоновые огни в открытых овощных и фруктовых лавках, возле них с газетами в руках сидели продавцы. Спали на траве округлых поворотов перекрестков улиц люди. У киосков, где продают содовые и фруктовые воды, стояли сонные полицейские, потягивая из бутылок кока-колу...

Прошлым летом, через месяц после израильской агрессии, вместе с писателем Сарваром Азимовым мы также ехали в отель. Но тогда город был другой. И отель «Семирамис», где мы остановились, был пуст настолько, что в окна слышалось поскрипывание фелюг, медленно скользящих по Нилу. В обычное время этого поскрипывания не слышно: все покрывается слитным автомобильным гулом. Летом 1967 года Каир жил тревожной жизнью. На лицах моих старых друзей-египтян в те дни я видел печаль и скорбь, душевные раны были обнажены, и мы, не успокаивая друзей, старались влить в них бодрость и веру в победу и торжество справедливости. Все мы прекрасно понимали, какую ненависть у империалистического Запада вызывала борьба арабских народов за свою национальную независимость и свободу. Каир, ключ к воротам Африки, своей решимостью являл пример не только для арабских народов, но и для всего континента. За десять с лишним лет неузнаваемо изменилась политическая карта Африки. В этом большую роль сыграла Объединенная Арабская Республика, дважды за одно десятилетие подвергшаяся империалистической агрессии.

Помнится, в декабре 1957 года, когда состоялась Первая конференция солидарности стран Азии и Африки, сыгравшая огромную роль в объединении национально-освободительных сил африканских народов, советская делегация, возглавляемая Шарафом Рашидовым, заявила о полной поддержке борьбы народов Азии и Африки народами Советского Союза. С тех пор прошло более десяти лет, и наши связи, братская дружба, несмотря на многие трудности, несмотря на клевету и дезинформацию вражеской прессы, выдержали испытания. Арабские народы, все народы Африки узнали своих настоящих друзей. Успокоительные теории о затухании классовой борьбы потерпели крах. События последнего времени, особенно события в Чехословакии, показали, что империализм судорожно пытается не только задержаться на рубежах, куда его отбросила революционная, национально-освободительная борьба, но и вернуть потерянные в этой борьбе позиции. И это не только в Европе, но

и на африканских и азиатских просторах. К сожалению, раскольническая, шовинистическая деятельность мастеров различного толка какое-то время поддерживала заблуждения некоторых афро-азиатских деятелей, поддавшихся демагогическим, изоляционистским заявлениям китайских раскольников о несовместимости единства всех народов мира в борьбе против империализма. К счастью, заблуждения эти в одном случае или совсем прошли, или под давлением последних событий исчезают. Под давлением исторических обстоятельств, повинуюсь логике революционной и национально-освободительной борьбы, прогрессивные деятели многих стран Азии и Африки все больше понимают, что любое событие в любом месте мира не является для них чуждым. Коллективная ответственность за революционное дело становится естественной и необходимой.

Обо всем этом думалось в Каире в жаркие, очень жаркие дни и ночи в августе этого года.

Дела писательские

С Юсефом эс-Сибай совсем недавно мы виделись в Москве. Он возвращался из Болгарии, где был на фестивале молодежи. Я не видел его с приезда в Каир в июне прошлого года. Тогда он был печален. Это было понятно. Вероломная агрессия Израйля, разбойничий захват арабских земель оставили глубокий след в его душе. Встреча наша в 1967 году была короткой. Мы ни о чем не расспрашивали нашего друга. И так все было ясно. Вместе с Сарваром Азимовым мы приняли участие в заседании бюро Афро-азиатской ассоциации писателей. В те дни только закончилась в Каире Чрезвычайная конференция солидарности народов Азии и Африки в поддержку арабских народов в их справедливой борьбе с израильскими агрессорами. Конференция осудила агрессоров и тех, кто стоит за их спиной, — американских империалистов.

Писатели не оставались в стороне. Именно в те дни решался вопрос о создании журнала «Литература Африки и Азии». Вместе с писателями Индии, Анголы, Южной Африки, Японии и другими мы обсуждали план создания журнала — вопросы организационной структуры и финансовой базы.

Сибай показывал нам макет журнала, эскизы обложки. Называл имена писателей, которых предполагается привлечь к журналу в качестве авторов. Это было в прошлом году. Сейчас мы держали в руках первый номер журнала. Там были напечатаны произведения индийского писателя Мулк Радж Ананда, мозамбикского поэта Марселину душ Сантуша и других.

Сейчас Сибай обещал на литературный симпозиум, который должен был открыться 20 сентября 1968 года в Ташкенте, привезти с собой второй номер журнала.

Настроение нашего друга было отличным. Перед тем как отправиться на молодежный фестиваль в Софию, он посетил Демократическую Республику Вьетнам.

— На меня произвела огромное впечатление борьба вьетнамского народа и то, как они принимали меня, египетского писателя,— говорил он нам.— Я написал об этом. Вьетнамцы понимают, сочувствуют и поддерживают нас в борьбе с израильскими агрессорами. Седьмого сентября в Каире состоится Чрезвычайная конференция солидарности народов Азии и Африки в поддержку борьбы вьетнамского народа. Здесь сейчас, в Каире, эту конференцию помогают нам готовить наши вьетнамские друзья. Они только что вернулись из Хартума. Там их очень хорошо встретили. Через некоторое время мы предполагаем в Судане провести конференцию в поддержку борьбы народов Южной Африки и всех так называемых «португальских колоний». Мы идем единым фронтом. Все больше людей понимают, что наши усилия должны быть объединены в одно целое, в общую борьбу... Это, конечно, не так просто... Даже в личном плане.— Сибай улыбается.— Для того, чтобы улететь в Ханой, я сначала отправился в Бейрут... Для успокоения жены... Жены всегда волнуются... А дочь у меня ожидает ребенка... Я их не хотел беспокоить... И улетел... Жене сказал правду только после возвращения. Но жены хитрые. Она сказала, что догадывалась, но не хотела меня тревожить.

...На заседании бюро Ассоциации афро-азиатских писателей, в котором приняли участие писатели ОАР, Индии, Южной Африки, Анголы, мы подробно рассказали о том, какой план выработал Союз советских писателей для проведения в Ташкенте литературного симпозиума, посвященного десятилетию Ташкентской конференции.

Представитель Индии, наш старый друг Калимула, сказал:

— Мы рады слышать, что советские писатели проделали такую огромную работу. Встреча в Ташкенте — это очень большое событие для всех афро-азиатских писателей.

Юсеф эс-Сибай подвел итоги обсуждения нашего сообщения на бюро ассоциации:

— Встречу в Ташкенте мы рассматриваем как большой вклад советских писателей в укрепление связей всего движения и солидарности писателей наших континентов. Мы рады, что именно в Ташкенте после литературного симпозиума мы проведем заседание исполкома нашей ассоциации, решим вопрос о созыве IV конференции, а также примем участие в празд-

нике узбекского народа — 525-летию со дня рождения Алишера Навои. Я с нетерпением ожидаю этой встречи.

Там, где была битва в пустыне

Более десяти раз бывал я в Каире, но как-то не удалось вдоволь посмотреть побережье Средиземного моря. Однажды ездил в Луксор, в Долину Фараонов. Дважды бывал в Порт-Саиде. Видел его еще после первой агрессии разбитым, в дыму и пепле, с пробитыми касками на могилах защитников Порт-Саида. Бывал в Суэце и на побережье Красного моря, которое так сильно описано в драматическом рассказе Джеймса Олдриджа «Последний дюйм», в свое время опубликованном в «Огоньке». И всего несколько часов был в Александрии, в этой жемчужине Египта.

Мы закончили все наши писательские дела в Каире. Оставалось три дня до отлета в Бейрут. Сibaи сказал:

— Я хочу вам «отомстить». Всегда, когда я приезжаю в Москву, вы стараетесь дать мне возможность отдохнуть, посмотреть вашу страну. Не считаетесь ли со своим, ни с моим временем. Помните нашу поездку в Ленинград? Петергофские дворцы? Ленинградский балет? Я чувствовал, вам было некогда, а вы отправились со мной...

— С друзьями мы готовы отправиться куда угодно.

— Это я и хочу вам предложить. Используйте оставшиеся три дня для отдыха в Александрии. Там море, хороший пляж... Вы купались в этом году в море?

— Еще нет.

— Не отказывайтесь.

— Мы не отказываемся... Но у нас есть просьба — посмотреть Эль-Аламейн.

— Пожалуйста. С вами поедет Камал, он бывший военный, мой заместитель. Поезжайте... С каждым годом мы чувствуем все больше, что мы одна семья.

Перед отъездом Камал спросил:

— Какой дорогой вы хотите поехать: пустыней или Зеленой дорогой?

— Туда — пустыней, а обратно — Зеленой.

— Коис китир¹.

И вот жарким, очень жарким утром вместе с Мухамедом Камал Бахаа Эддином, а попросту Камалом, и нашим представителем в секретариате организации солидарности Бахадуром

¹ По-арабски — очень хорошо.

Абдурразаковым мы отправились в Александрию. Стояло рабочее утро. Каир грохотал автомобилями, гулками мостами, перекинутыми через Нил, шумными торговыми улицами. За центром, в ранее пустынных местах, стоял шум строительных работ в кварталах новых домов, чем-то неуловимо напоминающих московские Черемушки. Наконец как-то сразу дома остались позади, и мы покатили по раскаленному шоссе, с двух сторон которого лежала Западная пустыня. Здесь было действительно пусто. Только тонкие нитки дорог, уходящие вправо и влево, туда, где на сторожевых холмах медленно вращаются радарные установки. Изредка встречаются грузовые автомашины с солдатами. Прогрохочут мимо, обдадут горячим ветром, и снова монотонный рокот покрышек по асфальту. Где-то на полдороге небольшая остановка. Глоток горячего кофе в дорожном ресторане — и снова в путь. Но это уже на полдороге к Александрии. И снова редкие табуны верблюдов и белых ишаков, что покорно стоят в пустыне, привыкшие к зною и безлюдью. Но чем ближе к Александрии, тем больше примет жизни. Мелькнул огромный щит, на котором начертаны слова, сообщающие, что здесь идет строительство госхоза, подаренного Советским Союзом. Феллахи аккуратно приводят в порядок берега каналов. Здесь скоро появится жизнь — придет вода. Солдаты в рабочих костюмах сажают деревья, небольшие кустики инжира. Появляются зеленые оазисы. Пахнуло сыростью. Скоро море, Александрия. Лежит белая корка: соль проступает через почву. Но вот уже и озерца, бурая вода. Узкие лодки в камышах. Рыбачьи сети. Это приалександрийские лиманы. Возле самой дороги ограждение, за которым нацеленные в небо зенитные орудия и пулеметы. Солдаты пристально всматриваются в обесцвеченную синь неба. Еще несколько поворотов, и мы в Александрии. Шумные кварталы. Пестрота овощных рынков. Часовые, стоящие на взгорье, возле вытянувшихся в сторону моря тяжелых орудий. В разных местах сдвинутые в сторону железные ежи. И много детей. Они перебегают дорогу перед самой машиной. Запускают воздушный змей с трещотками. Пронзительными голосами предлагают воду, которую таскают в огромных деревянных торбах, перекинутых на плечо. И много моряков, бравых, смуглых, обветренных. А вот и приморская часть Александрии. Бесчисленные пляжи, набитые купающимися людьми.

Минув их, мы въезжаем на огороженную высокой красной стеной территорию бывшего дворца последнего египетского короля Фарука. Он знал, где построить себе резиденцию, этот сластолюбец, деспот, коварный жуир и любитель порнографии, о похождениях которого и до сих пор ходят легенды. Когда-то, десять с лишним лет назад, здесь было тихо. Территория

дворца с ее изумительно красивыми деревьями и цветами была открыта только для посетителей, получивших особое разрешение осмотреть дворец Фарука. Помнится, мы провели тогда здесь несколько часов, разглядывая бесчисленные помещения дворца, любуясь прибором, рвавшимся на прибрежные камни. Три года назад прямо на берегу моря был построен отличный отель «Палестина», где мы и бросили сейчас свой якорь.

...На другой день утром мы отправились в Эль-Аламейн.

Что мы знали о нем?

В 1942 году союзнические войска по решению правящих кругов США и Англии, не желая оказывать эффективную помощь Советскому Союзу, всячески оттягивая открытие второго фронта в Европе, сосредоточили усилия американско-английских войск в районе Средиземного моря. Именно в то время полчища фашистских войск рвались к Сталинграду. Вместо концентрации военных усилий, явно не стремясь к скорейшему разгрому фашистской Германии, американско-английское командование бросило в Северную Африку огромные силы — в составе 8-й английской армии было сосредоточено до 1 100 танков и 1 200 самолетов — и вдоль берега Средиземного моря начало наступление против 12 итало-немецких дивизий, собранных под командованием Роммеля. Из двенадцати дивизий немецких было всего четыре. Обладая преимуществом в живой силе, военной технике и более удобных стратегических путях снабжения, войска 8-й армии нанесли поражение итало-немецким войскам в битве при Эль-Аламейне в конце октября и начале ноября 1942 года. Черчилль провозгласил эту победу «поворотом судьбы». Но, по свидетельству английских военных историков Дж. Батлера и Дж. Гуайера, авторов книги «Большая стратегия», это было далеко не так. Английские историки писали: «По мнению Гитлера, средиземноморский театр имел второстепенное значение. Немецкие войска прежде всего необходимы были в России и на Западе. Гитлер все еще испытывал серьезное беспокойство по поводу возможного наступления союзников на Западе или на Крайнем Севере и неохотно шел на то, чтобы сковать значительную часть сил «Люфтваффе» слишком надолго в районе Средиземного моря. Овладение Египтом в 1942 году не могло иметь решающего значения...» Это вполне соответствует плану самого Черчилля, выработанному им в конце 1941 года, перед тем, как он собирался отправиться на совещание в Вашингтон. В этом плане говорилось: «Главным в ведении войны в настоящее время является поражение и потери Гитлера в России... Теперь... Ему предстоит зима, полная потеря в живой силе и огромных расходов горючего и снаряжения... Ни Великобритания, ни Соединенные Штаты не должны при-

нимать никакого участия в этих событиях, за исключением того, что мы обязаны с пунктуальной точностью обеспечить все поставки снабжения, которые мы обещали. Только так мы сможем сохранить свое влияние на Сталина, и только так мы сможем вплести усилия русских в общую ткань войны».

Расхождений между словами английских историков и планами Черчилля нет. Расхождений нет и между фактами военной истории. В битве при Эль-Аламейне участвовало с итапо-немецкой стороны всего 12 дивизий, из которых в конце сражения 4 итальянских сдались в плен из-за отсутствия пресной воды. Запасы воды были целиком забраны немецкими дивизиями, которые хитроумный Роммель, видя, что сражение проиграно, поспешно выводил из боя, чтобы сохранить живую силу и технику.

Напомним, что только в период контрнаступления советских войск под Сталинградом с 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года было разгромлено 32 дивизии и три бригады фашистской Германии и ее сателлитов, а шестнадцать дивизиям были нанесены серьезные поражения.

...На 103-м километре шоссе, бегущего из Александрии на запад вдоль Средиземного моря, мы заметили дорожный указатель. «Эль-Аламейн». Машина свернула налево. Через полкилометра увидели небольшую железнодорожную станцию, возле которой были сложены секции бетонных труб и много деревянных ящиков, лежащих здесь же, на песке. Около станции стояли верблюды и ишаки. А дальше виднелась пустыня, и никаких примет английского кладбища-мемориала не было видно. Возле верблюдов, блестя под солнцем золотыми зубами, стоял старый араб, с интересом рассматривая нашу машину.

Камал, оказавшийся в этих местах так же, как и мы, впер- вые, спросил араба:

- Где английское кладбище?
- Дальше по шоссе,— ответил араб.
- Шукран¹,— сказал Камал.
- Может, хотите кофе? — предложил старый араб.

Камал еще раз поблагодарил. Мы вернулись на шоссе. Через три километра увидели кладбище. Бесконечное количество белых плит, стоящих, как на параде. Редкие вечнозеленые острокопечные кусты, издали напоминающие разрывы снарядов. Несколько деревьев. Желтое марево пустыни.

Мы переходили от плиты к плите. Рядом с английскими именами — индийские. Рядом с английскими адресами — но-

¹ Шукран — спасибо.

возеландские. В составе 8-й армии были индийские и новозеландские подразделения.

Зной. Белые плиты. Остроконечные зеленые кусты. Тишина. Полдневное раскаленное солнце.

Напротив кладбища в ряд поставленные разбитые, заржавевшие английские танки, бронетранспортеры, длинноствольные орудия, поднявшие жерла к выжженному зноем небу.

Напротив кладбища — музей. Английское и немецкое оружие. Карты. Фотографии и портреты Монтгомери, Александера, Роммеля, Гитлера. Макет, изображающий сражение при Эль-Аламейне.

У входа в музей сидящие в тени подростки-арабы, играющие в карты.

Пока мы бродили по небольшим залам музея, пока рассматривали книгу записей, где были слова, оставленные и советскими туристами, у входа в музей разгорелся спор. Там с большим рюкзаком за плечами появился бородатый человек. Он требовал, чтобы его пустили в музей с рюкзаком. Служители протестовали:

— Нельзя.

— Но я не могу оставить рюкзак.

— Почему?

Бородатый был недоволен.

— Я из Федеративной Республики Германии. Путешествую пешком и на попутных машинах. Все, что у меня есть, в рюкзаке.

— Кому нужно ваше барахло?

— Прежде всего мне самому. Пустите меня.

Подшел смотритель музея, подозрительно смотря на бородача.

— Что вам нужно?

— Хочу посмотреть музей.

— Идите. Осмотр бесплатный.

— Меня не пускают с рюкзаком.

Смотритель сказал что-то одному из подростков. Тот неохотно бросил карты и поднялся.

— Идите, — сказал смотритель. — Вас будут сопровождать.

Бородач с подростком скрылись в зале музея.

— Иногда туристы крадут экспонаты. Не понимаю, что им может дать какая-то ржавая немецкая каска? А вы откуда? — обратился к нам смотритель.

— Из Москвы.

Смотритель заулыбался.

— Хотите кофе?

Неподалеку от английского мемориала, уже без кладбища в пустыне, на большом расстоянии друг от друга стояли два высоких здания. Одно воздвигнуто итальянцами, другое — немцами. В итальянском, что ближе к дороге, внутри, на белых стенах, — тысячи фамилий. Высокий мраморный стол с крестом, с двух сторон его — ржавые гильзы снарядов с миртовыми ветвями.

А совсем к морю, на высоком берегу, серое мрачное здание, похожее на старый тевтонский замок.

Здесь было совсем пустынно и глухо. Только изумрудное море ласкало взор. Стоящий у дверей в белой одежде молодой араб молча открыл дверь и впустил нас в помещение. На металлических досках, прикрепленных к стенам, черными буквами выбиты фамилии. Наверху, в комнате, где стоят несколько кроватей для приезжающих, на столе книга записей, в которой столбики немецких фамилий, в том числе и две, записанные в день нашего приезда в Эль-Аламейн. И на стене пожелтевшая фотография Роммеля в кожаном пальто...

Мы вышли под солнце пустыни. Молодой араб молча зашелкнул за нами висячий замок. В глаза было яркое закатное солнце. Голубело бирюзовое море, а на душе было пасмурно. Казалось, что в этих затерянных в пустыне полужамках и полухрамах, хотя и воздвигнутых в память погибших здесь солдат и офицеров, все было предано забвению. Только стены здесь да плиты на английском кладбище хранили имена тех, кто отдал свои жизни вдали от родной земли, в безводной пустыне. Только одинокие путники добираются сюда, чтобы прочесть имена и фамилии, а на английском кладбище — еще и скорбные изречения на плитах. «Ты для меня был весь мир, тебя нет — мир для меня погас», — начертано на одной из плит.

Может, потому, что тевтонский полухрам-полузамок был последним местом нашего посещения Эль-Аламейна, события последнего времени снова властно заполнили память.

Как известно, память человеческая имеет одну особенность: она сохраняет многое надолго, не сразу возвращая сознанию то, что хранится в ее тайниках. Но когда сознание получает то, что предоставляет память, оно начинает анализировать и отбирать отдельные факты, сопоставляя их с последующими явлениями.

В декабре 1965 года вместе с группой советских писателей, заканчивая поездку по ФРГ, я оказался в Мюнхене. Признаком, когда поздним вечером сошел с поезда на мюнхенском вокзале, я был взволнован. Много злобещего связано с этим городом. Зарождение фашизма. Мюнхенский сговор.

Утром был легкий мороз. На крышах лежал розовый от сол-

нечных лучей иней. Нам предложили посетить картинную галерею, в которой оказалось множество картин Рубенса. Подлинное искусство всегда покоряет, а тем более такое жизнелюбивое и сочное, как полотна Рубенса. Музей был почему-то в этот день закрыт для посетителей, и мы одни бродили по огромным залам. Затем вышли на воздух. С неба сыпала снежная крупа попеременно с дождем. На одной из центральных улиц сопровождавший нас господин сказал: «Вот с этого балкона выступал Гитлер». Через некоторое время добавил: «А вот пивная, в которой часто бывал Гитлер».

В этот час пивная была закрыта.

На другой день мы были в бывшем концлагере Дахау. Осмотрели музей. Страшные снимки. Страшные экспонаты. Приглаженные, аккуратно отремонтированные бараки... Фантастическая душегубка-печь, в которой сжигались узники Дахау. Здесь никто не произносил имени Гитлера, но тень его висела над лагерем, по которому в этот час ходили солдаты и офицеры, по внешнему сходству напоминая гитлеровцев. В буфете продавались сосиски и пиво. Нам предложили перекусить. Мы отказались. Нам хотелось скорее уехать из этого страшного мюнхенского предместья...

В тот же день на полуофициальном обеде один из людей, связанных с книгоиздательским делом, сказал мне:

— Жаль, что люди из Советского Союза редко бывают в Мюнхене.

— Почему?

— Ваши друзья бывают чаще.

— Какие друзья?

— Из Чехословакии... Граница близко... Визы не требуются. По праздникам некоторые журналисты и литераторы машинами наезжают сюда.— Мой собеседник, улыбаясь, пылливо смотрел на меня.— У них здесь много близких друзей и единомышленников, с которыми они весело проводят время.

«Провокатор»,— подумал я тогда.

— Откровенно говоря, странно видеть их с теми, с кем они здесь общаются,— продолжал мой собеседник.— И странно слушать, что они говорят здесь. Боюсь, скоро вы узнаете, чем их здесь вдохновляют.

У нашего народа были, есть и всегда будут друзья в Чехословакии. Одного из них я вспоминаю сейчас. Я помню, как во Львове после торжественного вечера в честь делегации Чехословацкого комитета сторонников мира мы бродили с ним по весенним улицам. Ходили не спеша, разговаривая о том, что происходит в мире, вспоминая старых друзей. И вдруг он остановился и сказал:

— Я слышал слова, которые произносили на вечере некоторые наши товарищи, а на душе у меня было тяжело. Вы многого не знаете... У нас все большую свободу получают так называемые «интеллектуалы». Они кипят злобой на Советский Союз, на нашу дружбу. Они прикрываются фразами о «демократизации» и «либерализации», а фактически черпают вдохновение в ФРГ и в других значных местах. Мы живем сейчас в большой тревоге...

— Почему?

— От ощущения того, что скоро что-то должно случиться. Но что бы ни случилось, знайте: многие тысячи чехов и словаков любят вас и никогда не забудут то, что Советский Союз сделал для их страны... Я живу не в Праге, поэтому, может быть, с особой остротой ощущаю все это...

...Молча мы сели в машины и отправились в Александрию. Там, где у дороги высилась плита, извещающая, что здесь проходило минное поле немецких войск, навалом лежали бетонные трубы. Арабы скреперами вспарывали землю пустыни.

Поход в Мозамбик

Вместе с Камалом и Бахадуром Абдурразаковым мы сидели в открытом ресторане отеля «Палестина», расположенном возле берега моря. Над столами горели цветные фонарики. На эстраде резвые «битлзы» разогревали публику модными мелодиями, то медленными, а то сумасшедше быстрыми и резкими. Глядя на юношей и девушек, топчущихся на тесной танцплощадке, Камал сказал:

— Бахадур, по-моему, эти танцы несколько отличаются от того, что мы видели в Мозамбике?

— О, конечно, Камал,— ответил Абдурразаков.

Я уже знал о том, что Камал Бахаа Эддин и Бахадур Абдурразаков в июле этого года по приглашению Фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО), возглавляющего вооруженную борьбу мозамбикских патриотов против португальских колонизаторов, в качестве представителей Организации солидарности народов Азии и Африки посетили освобожденную от колонизаторов зону Мозамбика и в качестве гостей участвовали во Второй национальной конференции ФРЕЛИМО. Съезд происходил в джунглях Мозамбика.

— Бахадур, напишите нам для журнала о том, как все это было,— попросил я Абдурразакова.— Мне бы очень хотелось, чтобы читатели «Огонька» знали о том, что делается в Мозамбике. Наши журналисты уже побывали в освобожден-

ных районах Анголы. А в Мозамбике пока еще никто не был...

— Но я не журналист... И потом я был не один. Весь этот небольшой поход мы провели вместе с Камалом. Я его уважал и раньше, но именно в этом походе узнал еще лучше. Он отличный товарищ,— сказал Бахадур.

— Что же нам делать, Бахадур? Ведь, если я напишу с ваших слов, все будет выглядеть иначе.

— Знаете, у Камала есть наш отчет, что-то вроде общего дневника. Там, конечно, нет литературных перлов, но зато все правда, никакой выдумки. Это написано сухо, но может вам пригодиться. Как, Камал? Вы не возражаете?

— О, конечно, нет!

На другое утро из рук Камала я получил несколько страниц, которые и решил привести с некоторыми сокращениями в этих записках:

«Мы отправились в путь на «лэндровере» вместе с Раулем Казаль Рибейро, заместителем командующего армией освобождения. Машина была тяжело нагружена и везла 12 пассажиров. Дорога к границе была узкая, неудобная; она пролегла среди густых джунглей и высоких холмов. Мы выехали в 10 часов утра и через четыре с половиной часа остановились для того, чтобы подождать другую машину. Затем мы добрались до лагеря ФРЕЛИМО, откуда пошли пешком. Через два часа добрались до транзитного лагеря, состоящего из нескольких хижин, сделанных из соломы и бамбука.

Делегации были поделены на группы по 15 человек. Каждая группа двигалась цепочкой. Нашу группу вела девушка лет двадцати. Мы пробирались сквозь густые джунгли.

Перед нами был Мозамбик, покрытый лесом. Группы, вышедшие раньше, ждали нас на другой стороне реки. Мы пересекли реку на лодке и, с трудом взобравшись на высокий берег, оказались в Мозамбике.

...Конференция была открыта в специальном, тщательно замаскированном помещении.

Открытие носило торжественный характер: стоя около флага, почетный караул партизан спел национальный гимн ФРЕЛИМО. Они отсалютовали Мондлане оружием. Мондлане произнес короткую речь, приветствуя делегатов и гостей. Затем выступил с речью командующий армией Самора Машель. Доклад о развитии вооруженной борьбы с ее начала, в сентябре 1964 года, до сегодняшнего дня сделал Казаль Рибейро.

Он сообщил, что партизанские войска насчитывают несколько тысяч бойцов в тех провинциях, в которых ведется вооруженная борьба. За этот период было убито более шести тысяч

португальцев. Он заявил, что партизанские силы открыли в этом году новый фронт в провинции Тете и что враг увеличил свои вооруженные силы, которые насчитывают сейчас около 60 тысяч солдат. Призывной возраст в Португалии снижен: в армию начали забирать молодежь, начиная с 18 лет. Докладчик также сообщил, что в вооруженных столкновениях в 1966 году было убито два члена Центрального Комитета ФРЕЛИМО.

Военный командир провинции Ньяса в своем выступлении подчеркнул важность мер безопасности, которые должны строго соблюдаться во избежание возможных атак португальских сил — пехоты, парашютистов, рейдов авиации — или неожиданных нападений специальных групп, вооруженных холодным оружием. Он также объяснил, какие меры должны быть приняты охраной в случае нападения.

Бахадур Абдурразаков зачитал послание Советского комитета солидарности народов Азии и Африки, которое было очень хорошо принято.

По просьбе Марселину душ Сантуша Камал Бахаа Эддин сообщил присутствующим о деятельности ОСНАА и его Постоянного секретариата, о планах организации на предстоящий период, о поездке Генерального секретаря в Ханой, о предстоящих конференциях о Вьетнаме, Южной Африке и т. д.

Мондлане сделал политический доклад. Он начал с истории ФРЕЛИМО, трудностей, которые встретила организация, рассказал о возникновении раскольнических организаций и их неудачах. Докладчик дал подробный отчет о деятельности ФРЕЛИМО после первой конференции, которая состоялась в Танганьике в 1962 году. Представил конференции членов Центрального Комитета, выполнивших свои задачи в соответствии с решениями первой конференции. Он рассказал о развитии и расширении деятельности ФРЕЛИМО в разных областях: образовании, социальной, медицинской и т. д.

Начало вооруженной борьбы докладчик отнес к 25 сентября 1964 года. Он рассказал о создании партизанских войск, о подготовке кадров в различных областях, в частности о тех людях, которые были посланы в дружественные страны, такие, как Алжир, ОАР, СССР и другие. Он объяснил, как вооруженная борьба переходила из одной провинции в другую, и выразил благодарность за ту роль, которую играют дружественные и социалистические страны, помогающие мозамбикским партизанам в вооруженной борьбе.

После этого Мондлане объявил, что предыдущей ночью Центральный Комитет ФРЕЛИМО решил сделать специальное заявление о поддержке борьбы арабских народов против агрессии израильского империализма, а также поблагодарил Ор-

ганизацию солидарности за направление делегации на конференцию.

Поскольку наша задача была выполнена, мы поблагодарили делегатов за радушие и покинули конференцию.

На обратном пути мы увидели португальский самолет, который сбросил бомбы на лагерь беженцев. Зенитные батареи открыли огонь по самолету.

Вероятно, самолет пытался найти место конференции.

Поездка на съезд ФРЕЛИМО — первая миссия такого типа, предпринятая Организацией солидарности народов Азии и Африки в освобожденный район страны, ведущей вооруженную борьбу против одного из наиболее анахронических и тем не менее жестоких видов империализма — империализма португальского. Колониальное угнетение и оккупация сочетаются в нем с неоколониалистскими целями и эксплуатацией, военными связями с НАТО, открытой, бесстыдной расовой дискриминацией.

В исключительно трудных условиях борьбы с португальскими империалистами, с оккупационными войсками и авиацией конференция была успешно проведена на территории Мозамбика, что само по себе является доказательством успехов, достигнутых ФРЕЛИМО как освободительным движением и его армией освобождения».

Сейчас, перечитывая лаконичные записки Абдурразакова и Камала Бахаа Эддина, я думаю о том, как окрепла наша общая борьба, сколько сделано за эти годы и насколько выросли взаимопонимание и коллективная ответственность за любое дело, совершаемое любой организацией в национально-освободительной революционной борьбе.

И еще одна частности: советский человек, сын узбекского народа Бахадур Абдурразаков, вместе со своим другом и товарищем, сыном египетского народа Камалом Бахаа Эддином, первыми побывали в Мозамбике, там, где проходит передовая линия вооруженной борьбы с португальскими колонизаторами, за спиной которых стоит самый злейший враг народов земли — американский империализм.

Зеленая дорога

У Камала выпало несколько свободных дней, и он оставался в Александрии. А нам надо было возвращаться в Каир, отсюда отправиться по писательским делам в Бейрут.

По совету Камала мы отправились в Каир Зеленой дорогой. Агродорогой, как ее здесь зовут. И не пожалели. Ес-

ли дорога в Западной пустыне представляет своеобразный этнографический интерес, то здесь за три часа пути мы словно бы перелистали богато иллюстрированную книгу жизни трудового Египта. Зеленой дорогой она называется не случайно.

Во всем мире знаменит египетский хлопок. Здесь с двух сторон дороги необозримые поля хлопка. Созревающий, с невысокой щетинкой рис. Высокие заросли кукурузы.

Неторопливо ходят буйволы вокруг скрипучего колеса, качая воду из колодцев. Древний способ добывания воды, но здесь все еще так, по-старому. Вода. Всюду вода — и в узких арыках и в аккуратно прорытых каналах.

Гремит наполненная гулом дорога. Мчатся машина за машиной. Мешки с цементом. Мешки с рисом. Дорога ведет в Ливию. Машины с ливийскими автомобильными знаками. Но не только машины на дороге. Семенил ножками ишачок. На нем, качая в такт ногами, сидит феллах. За спиной феллаха на крупе ишачка мешки с поклажей. Рядом с ним по асфальту идет жена феллаха. Так здесь положено: муж сидит — жена идет рядом.

И снова кукурузные высокие частоколы, зеленая щетинка риса, белые коробочки хлопка.

Справа и слева посверкивают под солнцем каналы.

Какой-то отрезок дороги тянется в три транспортных артерии: широкое шоссе, рядом грохочущая поездками с набитыми до отказа вагонами железная дорога. Паровозы и вагоны белого цвета. Белый цвет, как известно, менее других притягивает солнце. А за железной дорогой — канал. Его не видно. Видны только скользящие, словно по воздуху, остроконечные серые паруса груженных фелюг. Каналы здесь не только орошение, но и грузовые магистрали.

Машина проскакивает дымящие кирпичными заводами городки.

А зелени все больше и больше. Мы уже мчимся словно бы по широкой аллее — с двух сторон могучие, высокие деревья, бросающие тень на дорогу.

И вот уже скаты гремят по мосту — под нами медленное течение Нила.

Три часа дороги — три часа чтения книги жизни трудового Египта.

Арабы не верят крокодиловым слезам

Мы уже улетали в Бейрут, когда пришло известие о том, что партийные и государственные деятели ЧССР обратились к Советскому Союзу и другим союзным государствам с просьбой об

оказании братскому чехословацкому народу неотложной помощи в связи с угрозой, которая возникла существующему в Чехословакии социалистическому строю со стороны контрреволюционных сил, вступивших в сговор с враждебными социализму внешними силами. Известный деятель Организации солидарности писатель и литературный критик Мурси Саад эд-Дин сказал, прощаясь с нами:

— Борцы за национальное освобождение, те, кто непримиримо относятся к проискам империализма, одобряют этот решительный шаг Советского Союза и других социалистических стран. Они видят в этом заботу о всех тех, кто противопоставит разбойничьим планам американского империализма.

Мы расстались с Мурси до встречи на писательском форуме в Ташкенте.

Бейрут встретил нас относительно мягкой погодой, ярким солнцем, лазурным Средиземным морем и... свистопляской буржуазных газет, принадлежащих иностранному капиталу. Все было брошено на то, чтобы затуманить сознание ливанских читателей.

Министр информации Ливана вынужден был призвать местную печать публиковать объективную информацию о событиях в Чехословакии, пользуясь лишь проверенными источниками, достоверными фактами. Он потребовал, чтобы газеты не публиковали тенденциозных сообщений и воздерживались от комментариев, наносящих ущерб интересам Ливана.

Мне рассказали о страстной беседе одного из общественных деятелей с владельцем одной из ливанских газет.

— Вы что, стоите на позициях Израиля, топчущего арабские земли?

— Это почему же?

— А потому, что, клеветая на Советский Союз, вы выступаете с тех же позиций, что и израильская печать. Советский Союз в трудные для арабских народов дни поддержал нас. Как же вы так можете? Кто вам платит?

Владелец газеты бормотал что-то невнятное. Именно в эти дни вместе с работником иностранной комиссии Союза советских писателей Ю. П. Румянцевым мы встретились с ливанскими литераторами. В марте 1967 года здесь, в Бейруте, на III конференции писателей Азии и Африки, мы убедились, что это настоящие люди и прекрасные литераторы.

Сохейль Идрис, один из самых талантливых прозаиков Ливана, сказал:

— Нас, конечно, беспокоит лавина клеветы и инсинуаций западной печати, но мы знаем и верим в правоту общего дела. Я редактор журнала и никому и никогда не предоставляю

возможности выступать в своем журнале ни против наших арабских идеалов, ни против правды, которую несет Советский Союз. Мы хорошо понимаем вас.

Ливанская газета «Аш-Шааб» писала в эти дни:

«Кто поверит, что Советский Союз — враг народов? Кто может поверить, что Советский Союз покушается на свободу народов, когда именно благодаря Советскому Союзу народы освободились от колониализма и угнетения? Империалисты и их агенты льют крокодиловы слезы, оплакивая свободу в Чехословакии. Они поднимают шум, потому что разоблачен страшный заговор, готовившийся против социалистического лагеря. Империалисты не могут скрыть разочарования в связи с тем, что их замыслы потерпели провал. Мы знаем, что Советский Союз был и остается в авангарде тех сил, которые стоят на нашей стороне, против врагов справедливости и свободы. Мы не принимаем обвинений, предъявленных Советскому Союзу колонизаторами наших стран и сторонниками израильской агрессии. В лице войск, которые вошли в Чехословакию, мы видим силы освобождения».

Газета «Аль-Хадаф» писала:

«Арабы одобряют действия социалистических стран в Чехословакии, направленные на защиту социалистического лагеря от происков империалистических сил, замышлявших превратить Чехословакию в орудие борьбы против Советского Союза и других социалистических государств. Когда мы слышим голоса, раздающиеся на Западе, и в особенности в Соединенных Штатах, в «защиту народов», и когда мы видим, как Запад использует чехословацкие события против Советского Союза, мы, арабы, спрашиваем: «Где был Запад, когда в июне прошлого года Израиль совершил агрессию против арабских народов, когда оккупанты совершили злодеяния на арабской земле? Запад проливает крокодиловы слезы по поводу событий в Чехословакии и в то же время оказывает всякую материальную и моральную помощь Израилю, продолжающему оккупировать арабские земли и бросающему вызов решениям ООН».

Атаки реакционеров и клеветников были дружно отбиты ливанскими патриотами.

В гостях у Маруфа Саада

Посол Советского Союза в Ливане Петр Семенович Дедушкин сказал нам:

— Нас приглашает в гости замечательный человек, губернатор города Сайды. Мне очень хочется, чтобы вы познакоми-

лись. Это человек, много сделавший для независимости Ливана. Он был одним из первых, кто сражался когда-то здесь с французскими колонизаторами. Легендарная фигура на юге Ливана, на землях, которые граничат с Израилем. У него в гостях будет Камаль Джумблат, председатель бейрутской конференции писателей.

Как же было отказаться от такой заманчивой встречи?

На закате солнца мы выехали из Бейрута. Дорога шла берегом Средиземного моря, с двух сторон лежали сады и фруктовые плантации. Невысокие банановые деревья увешаны плотно набитыми, словно руками упакованными плодами. Знаменитые ливанские персики и яблоки просвечивали сквозь густую листву.

Берега здесь прекрасные. Бесконечное количество пансионатов, маленьких рыбных ресторанчиков с прилегающими к ним белоснежными пляжами сопровождало вплоть до города Сайды с его древними развалинами, вызывающими большой интерес у туристов. Возле городской мэрии стояли люди. В центре их — плотный, в рубашке с расстегнутым воротом, со сбитым набок галстуком, седой, коротко стриженный человек, чем-то очень напоминающий колоритного грузинского актера Закариадзе.

Мы вышли из машины. Познакомились. Это и был губернатор Сайды Маруф Саад. Он сказал:

— Не будем терять времени. Нас уже ожидают. Я поеду вперед: тут не такая простая дорога.

Дорога действительно оказалась не простой. Она шла в город широкими и длинными поворотами. Маленькие селения, сады оказывались то с одной, то с другой стороны. Мы поднимались все выше и наконец окунулись в прозрачную дымку.

— Туман или облака? — спросил я Дедушкина.

— Облака... Облака...

Стало совсем темно. Только видно было, как с другой стороны, где-то в темноте стекал вниз мутный свет мчащихся навстречу автомашин.

Замелькали огни. Витыми улочками мы въехали в селение. По улицам шли юноши и черноволосые девушки в брючках. Из окон слышались мелодии радиол. Еще один крутой поворот, спуск, и мы влетели под ветви темных деревьев.

— Приехали, — сказал, подходя к нам, Маруф Саад.

Над нами высился большой, освещенный, с просторной верандой дом. Поднялись по каменной лестнице вверх. Огромная веранда была заполнена мужчинами. Они приветливо улыбались нам.

Откровенно говоря, я не думал, что встречу здесь такое количество интересных людей. Мы познакомились. Юристы. Вра-

чи. Доктора наук. Журналисты. Общественные и политические деятели. Самые разные люди. Здесь же был и Камаль Джумблат, наш старый добрый знакомый, немногословный и всегда словно бы чем-то озабоченный. Весной этого года он с сыном приезжал в Москву и был гостем Советского комитета солидарности. В прошлом году в Бейруте он много сделал, чтобы афро-азиатская писательская конференция прошла успешно.

Джумблат и сейчас был озабочен. В ближайшие дни он собирался улететь в Каир на Чрезвычайную конференцию Организации солидарности народов Азии и Африки в поддержку борьбы вьетнамского народа, против агрессии американского империализма.

— Мы надеемся видеть вас в Ташкенте, на писательской встрече. Советские писатели приглашают вас, доброго друга афро-азиатской литературы.

— Это вполне вероятно... Если позволит время... Я бы сам очень хотел,— ответил Джумблат.

В это время поднялся Маруф Саад. Обращаясь к П. С. Дедушкину, он сказал:

— Дорогой наш гость, мы приветствуем вас как представителя Советского Союза. Здесь, в моем доме, собрались ваши друзья, друзья народов вашей великой страны. Мы глубоко и искренне ценим все, что делает ваше правительство, ваше государство. Мы поддерживаем ваши решительные действия против контрреволюции, которая пыталась оторвать Чехословакию от социалистического лагеря. Сегодня в моем доме очень разные люди Ливана. Я знаю, что все они разделяют мое мнение. Арабские народы ценят вашу дружбу, вашу поддержку в их борьбе против американских и израильских империалистов.— Маруф Саад широким жестом обвел всех сидящих вокруг.— Это все настоящие ваши друзья.

Собравшиеся горячо аплодировали словам хозяина дома.

— Мы бы просили, уважаемый гость, сказать несколько слов. Мы ждем вашего выступления,— обратился к П. С. Дедушкину Маруф Саад.

Советский посол произнес дружескую речь, поблагодарил ливанцев за понимание и поддержку политики Советского государства.

Всем захотелось послушать Камала Джумблата. Он смущенно поднялся с дивана, худой, высокий, как всегда, серьезный.

— Это очень трудный момент в международной жизни. Ваши враги,— сказал он, обращаясь к нам,—делают все, чтоб скомпрометировать ваше государство и вашу решительную политику... Но мы, арабы, во всяком случае, большинство на-

стоящих арабов, с вами. Так что вы это знайте, пожалуйста... И то, что здесь собрались люди очень разные, не только разных профессий, но и направления мысли, это особенно важно для вас.— Джумблат остановился, оглядел всех и тихо добавил: — И для нас... Для нас...

Как и полагалось в таком случае, после душевных бесед следовало приступить к ужину. Управляла всем очень серьезная, стройненькая девушка Мана, дочь Саада. Ей семнадцать лет. Ловко лавируя среди гостей, столпившихся вокруг стола, она особое внимание проявляла к нам. Мы были гости зарубежные, а не свои. Она говорила:

— Я учусь на курсах медицинских сестер. Но у меня одна мечта — поехать в Советский Союз. Хочу быть доктором. У нас почти все доктора — мужчины... А я хочу быть врачом и доказать, что женщины нисколько не хуже...

Из-за дверей выглядывали вихрастые черноглазые ребяташки. Мана шикнула на них.

— Это шестеро младших, сестренки и братишек. Мне приходится ими руководить, а они очень непослушные.

Мы стояли на веранде возле огромного, не менее метра в диаметре, блюда, на котором, искусно положенные, лежали персики, груши, бананы, щедрые кисти винограда. Мана сказала нам:

— Мы снимаем этот дом, но мы не богатые люди. Главное богатство — это друзья, которые бывают у нас каждый вечер.

Все это она говорила серьезно, почти не улыбаясь, учтиво предлагая нам то персики, то виноград.

Уже была почти ночь, когда мы попрощались с радушным и жизнелюбивым Маруфом Саадом и его друзьями. Машины показали вниз с горы и долго огибали поворот за поворотом, пока наконец мы не выехали в город Сайду и не увидели старые древние колонны, стоящие на земле, по которой, по местному преданию, ходила когда-то Ева, готовая соблазнить нашего далекого предка Адама.

В Дамаске

Сурен Широян, заведующий отделением Агентства печати «Новости» в Ливане, — наш старый знакомый. Прекрасно владеющий арабским языком, он много лет жизни отдал странам Ближнего Востока. Мы познакомились с ним несколько лет назад в Каире, а теперь встретились снова.

Он принимал деятельное участие во всей нашей программе в Бейруте. Однажды Широян сказал:

— В Дамаске открывается традиционная торговая ярмарка. В ней участвует Советский Союз. У вас нет желания побывать на открытии?

Желание есть, нет виз.

— Сирийцы — люди гостеприимные. Я уверен, они будут рады вашему приезду.

— А мы тем более.

И вот снова мы мчимся по шоссе, выбираясь из Бейрута. Воскресный день. Многие сотни машин устремлены из города в горы, туда, где прохладней. От Бейрута до Дамаска путь больше ста километров. Примерно посредине пути граница. Если в гости к Маруфу Сааду мы ехали в темноте и только по свету автомобильных фар могли угадывать повороты дороги, то в этот августовский солнечный день все перед глазами. И своеобразная ливанская архитектура, умело приспособленная к гористой местности, и сотни рекламных щитов вдоль дороги, пропагандирующих все — от пепси-колы до зубной пасты, — и террасы фруктовых садов, спускающихся вниз по горным склонам... Пролетаем город Захли, куда в воскресенье к прохладной горной реке, в десятки ресторанов, построенных в узком ущелье, устремляются из душного Бейрута многие тысячи жителей.

Поворот. В ноздри резко бьет запах лука. У обочин дороги — красные прозрачные мешки лука. Здесь продается лук. Машины останавливаются, выходят люди. Торгуются с крестьянами. Бросают мешки с луком в машину, отправляются дальше.

— Места знаменитого лука, — говорит Широян, сидящий за рулем машины.

Дорога меняется. Земля покрыта камнями. Влево, в предгорье, последнее ливанское селение на пути к сирийской границе.

— Говорят, в этом селении жила Мария Магдалина, — сообщает Широян.

И вот наконец граница. Караваны грузовых машин с поклажей. Сирия лежит на большом торговом транзите. Недолгая процедура оформления документов, и мы уже на территории Сирии. Здесь все другое. Суровая природа. Серо-бурые каменистые скалы. Скалы, в невообразимых очертаниях нависшие над дорогой. Сухо и жарко. Влажное тепло осталось за горным перевалом. Все кажется строже. В тридцати километрах, как здесь говорят, линия фронта с Израилем.

Но скоро аскетичность природы уходит. Чувствуется дыхание речной прохлады. Въезжаем в первые кварталы Дамаска. В апреле прошлого года мы были в этих местах с делегатами Бейрутской конференции писателей. Подкатываем прямо к тер-

ритории ярмарки. Здесь толпы людей, легионы босоногих ребятишек.

Гремит орудийный салют в честь открытия ярмарки. В большом закрытом зале министр экономики и внешней торговли Зухейр аль-Хани во вступительном слове сообщает об успехах сирийской экономики, неуклонно развивающейся, несмотря на трудные условия, связанные с агрессией Израиля. Большое место Зухейр аль-Хани уделяет помощи, которую оказывает Советский Союз, все социалистические страны обновляемой сирийской экономике. Говорит о строительстве большой электростанции на реке Евфрат, осуществляемом при активном содействии советских специалистов. Сообщает о том, что советские геологи нашли в Сирии огромные запасы нефти.

На открытии ярмарки присутствует министр внешней торговли СССР Николай Семенович Патолитчев.

Около советского павильона заканчиваются последние работы. Пожилые женщины в черных одеждах, девушки в светлых платьях, бесконечно веселые мальчишки спуют возле огромных «МАЗов», автомашин и наших тракторов.

В этот же вечер в помещении Советского культурного центра мы встретились с писателями. Двое из них — палестинский поэт Моин Бсису и сирийский прозаик Саид Хаурания — готовятся к поездке в Ташкент.

— Мы рады случаю побывать в Советском Союзе, — говорит Хаурания. — Рады побывать особенно в эти дни, когда Советский Союз и другие социалистические страны предотвратили контрреволюционный заговор в Чехословакии. Я надеюсь, вы понимаете, что наши арабские страны, ведущие не на словах, а на деле борьбу против американских и западногерманских империалистов и их цепного пса Израиля, заинтересованы в единстве социалистического лагеря. Социалистические страны, и в том числе Чехословакия, оказывали нам большую помощь.

— Один из западных корреспондентов обратился ко мне с вопросом о моей позиции в связи с событиями в Чехословакии, — продолжает разговор Моин Бсису. — Кажется, корреспондент остался недоволен моим ответом. Я сказал ему, что мое сердце с танками свободы, с советскими танками, оберегающими в эти дни свободу от контрреволюции на улицах чешских городов. Мы живем здесь, но мы живем интересами всех народов. Нам очень близка культура, только подлинная, настоящая культура всех народов. И, конечно, мы любим русскую литературу.

— У Моина есть стихи о Пушкине. Прочти, — обращается Хаурания к другу.

— Они не понимают арабского языка.

— Поймут... Музыку языка поймут.

Видимо, Бсису и самому хочется прочесть стихи. Звучит страстная поэтическая речь. Палестинский поэт читает вдохновенно.

— Поняли? Я бы хотел, чтобы эти стихи узнали в Советском Союзе.

— Будете в Ташкенте — переведем.

— Я очень люблю Маяковского. Статьи в «Огоньке» о Маяковском очень помогли мне узнать больше о судьбе великого поэта... Мне перевели эти статьи на арабский язык.

— Моин делал доклад в день семидесятилетия поэта здесь, в Советском культурном центре, — говорит Хаурания.

— Да, пользовался этими статьями в докладе.

— Доклад напечатан в журнале, который выпускается представительством АПН в Сирии... Посмотрите. — Хаурания разворачивает перед нами журнал, в котором перепечатана фотография Владимира Маяковского из «Огонька».

— А вот и сам Моин Бсису во время своего доклада о Маяковском. — Хаурания указывает на снимок палестинского поэта, стоящего на трибуне.

...Находясь в Дамаске, нам очень хотелось повидать человека, возглавляющего Сирийский комитет солидарности народов Азии и Африки. Это был Хабиб Хаддад — министр информации, радиовещания и телевидения.

В полдень вместе с послом Советского Союза в Сирийской Арабской Республике Нуритдином Акрамовичем Мухитдиновым мы отправились к Хабибу Хаддаду.

Во дворе здания министерства стояли три танка. Возле них в тени сидели сирийские танкисты.

Хабиб Хаддад встретил нас в своем кабинете. Он был молод, серьезен и очень радужен.

— Рад видеть товарищей, представляющих Советский комитет солидарности. Рад по многим причинам, а главное, потому, что мы, сирийцы, видим в советских людях наших верных друзей. Вы, наверное, уже знаете, что весь сирийский народ, вся наша печать... вся, — повторил он, — со всей определенностью поддержала решение пяти социалистических стран о вводе войск в Чехословакию. У нас рядом фронт. Мы ежедневно подвергаемся военным провокациям Израиля. Мы знаем, что такое империализм, и поэтому приветствуем решительные действия Советского правительства. Мы, арабы, заинтересованы в том, чтобы Чехословакия осталась в социалистическом лагере... Нам бы очень хотелось, чтобы вы посмотрели нашу страну и рассказали вашему народу, как живет Сирия. Приезжайте на более долгий срок.

— Постараемся.

Мы простились с Хабибом Хаддадом.

Пора было возвращаться в Бейрут. На другой день предстоял отлет в Москву.

* * *

Две недели — небольшой срок. Но и эти две недели, проведенные нами в Объединенной Арабской Республике, Ливане и в Сирийской Арабской Республике, оставили хорошие впечатления, показали глубокое понимание нашими арабскими друзьями политики Советского Союза, все более растущую решимость борьбы с любыми попытками изменить политическое соотношение сил в мире в пользу империализма.

Мне запомнились слова арабского поэта Моина Бсису: «Мы живем здесь, но мы живем интересами всех народов».

Трудно что-либо добавить к этим мудрым, проникновенным словам.

1968 г.

ВРЕМЯ МАЯКОВСКОГО

На кипучей, шумной московской площади стоит памятник Владимиру Маяковскому. Памятник не академический, нет в нем присущей некоторым скульптурным произведениям меланхолической грусти. Скульптор Александр Кибальников изобразил поэта словно бы продолжающим шагать по московским площадям и улицам уверенной походкой хозяина жизни. В ясные дни, на рассвете или когда за крыши домов опускается солнце, памятник озарен живым розовато-золотистым светом, и кажется, Маяковский взгромоздился на камень, чтобы могучим голосом провозгласить:

И жизнь
хороша,
и жить
хорошо.

По правую руку от Маяковского в театре идут его пьесы. По левую — в дни революционных праздников на фасаде здания появляются слова:

Мы говорим Ленин,
подразумеваем —
партия,

мы говорим
партия,
подразумеваем — Ленин.

Жизнь продолжается. Маяковский живет. Живет каждой строчкой своих стихов, независимо от того, что наворотили при его жизни и после трагической гибели некоторые литературные критики и литературоведы.

Маяковский живет, потому что годы Советской власти — и те, что уже прошли в трудах и борениях, и те, что идут сейчас, — время Маяковского.

Е. Т. Кабаченко из Ставрополя на Кавказе в письме в редакцию «Огонька» писал:

«Мы, читатели, чья юность наступила в ту пору, когда поэзия Владимира Маяковского шествовала по нашей стране, сам поэт выступал перед читателями и рабочими в различных городах: Харькове, Краснодаре, Пятигорске...

В годы Великой Отечественной войны стихи Владимира Маяковского сопутствовали нам в битве за Кавказ, в боях на Висле и у стен Берлина. Я писал об этом в газете «За Советскую Родину», в которой нес в годы войны службу. Но это дела теперь уже давно минувших лет. Мне сейчас очень трудно выразить все, что я думаю о судьбе Владимира Маяковского. Но кратко скажу, что те же «силы», которые укоротили годы жизни поэта, кое-где и сейчас еще отравляют хорошее творческое настроение порядочным людям...

Каждому из мало-мальски осведомленных людей, любящих советскую литературу, известно, что у поэта Владимира Маяковского был подвиг, была трагедия, была, есть и будет Слава поэта».

Всегда помнятся словно на камне выбитые слова поэта:

Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтемся славою,—
ведь мы свои же люди,—
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм.

Наплевать! Но памятник творцу этих строк высится в центре Москвы, вне зависимости от иронического отношения поэта

к такого рода увековечиванию его жизни. Главное, что Маяковскому и многим похожим на него людям других, более прозаических профессий, отдавшим жизнь за Родину, вечным памятником является построенный в боях социализм. Надо было быть ленинцем, провидцем и великим оптимистом, чтобы во вступлении к оставшейся ненаписанной поэме «Во весь голос» так необыкновенно просто и точно провозгласить видимый поэтом построенный в боях социализм. Но поэма осталась. Поэмой является сама жизнь Владимира Маяковского, прожитая во весь голос.

У Маяковского на первый взгляд было мало друзей... Но это только кажется, только на первый взгляд. На самом деле у поэта были тысячи тысяч друзей. Для них он жил, для них писал, к ним обращался стихами и прозой. К ним, прорвав громаду лет, пришла поэзия Маяковского, пришла к тем, кто теперь может только читать Маяковского и что-либо написанное о Маяковском.

Немало за последние годы в литературе нанесено всяческих модных поэтических поветрий, вольно или невольно пытавшихся отодвинуть прямую и честную поэзию Маяковского на задний план, изобразить Маяковского и его поэзию отжившими. Те, о которых поэт обобщенно говорил как о желающих «отдохнуть у этой речки», не вывелись со смертью Маяковского. Скорей наоборот. Количество их с годами приумножилось, и временами они становились до невозможности надоедливыми. Этому в большой степени способствовали и различные воспоминания, представляющие в кривом зеркале жизнь Маяковского. Но советские читатели умеют читать и видеть, а главное — отличать правду от неправды. Думается, абсолютно прав москвич инженер-экономист Р. Б. Гуськов, в своем письме в редакцию «Огонька» написавший следующее:

«Хорошо, что накануне 75-летия со дня рождения великого поэта нашей страны начат принципиальный партийный разговор о самом сложном и трагическом периоде в жизни В. Маяковского. Хотелось бы, чтобы этот разговор был продолжен, так как во многом неясны мотивы, приведшие к трагической развязке 14 апреля 1930 года.

Как, например, понять брошенную в мемуарах И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» фразу о том, что жизнь Маяковского «разбилась о поэзию»?

А журнал «Новый мир» (№ 1 за 1967 год) опубликовал воспоминания Б. Пастернака «Люди и положения», в которых личность великого поэта революции представлена в явно искаженном свете. Пастернак пишет: «Мне кажется, Маяковский за-

стрелился из гордости, оттого, что он осудил что-то в себе или около себя, с чем не могло мириться его самолюбие».

Вообще страницы воспоминаний Пастернака, посвященные В. Маяковскому, нельзя читать без чувства глубокого возмущения, несмотря на весь их субъективизм.

И самое обидное, что эти воспоминания, напечатанные в одном из наших ведущих литературных журналов, остались без внимания советской критики».

Да, действительно записки Б. Пастернака остались в печати словно бы незамеченными. Видимо, объяснить это можно только тем, что самого автора столь субъективистских записок ко времени их опубликования уже не было в живых. Но следовало ли публиковать их, заведомо зная, насколько они ошибочны и порой, как ни грустно об этом писать, злобны? Возможно, сам Б. Пастернак воздержался бы от их публикации, перечитав их и разобравшись в том, что они компрометируют не столько Маяковского, сколько самого Пастернака? Во всяком случае, нам неизвестны попытки Б. Пастернака публикации записок о Маяковском при своей жизни.

Но правда живуча. Правда может какое-то время находиться под спудом, а все же потом прорвется.

Такой правдой является сама жизнь и поэзия Маяковского. Публикация в «Огоньке» статей «Любовь поэта» и «Трагедия поэта» вызвала большой приток писем, свидетельствующих о том, что Маяковский дорог для всех поколений советских читателей. Нет никакой возможности приводить все письма читателей, отозвавшихся на публикации, пролившие новый свет на жизнь и творчество Владимира Маяковского, но и не привести хотя бы некоторые из них мне представляется тоже невозможным.

А. А. Козлов из Челябинска пишет:

«Я, абитуриент, прожил 21 год и только лет пять назад открыл для себя Маяковского. Не понимаю, как мог раньше не понимать и не любить его, не восхищаться этим железным поэтом и гражданином. Но до сих пор я даже не подозревал и не догадывался, сколько было врагов у моего любимейшего поэта, сколько самоотверженной убежденности и воли нужно было ему, преданнейшему народу и революции поэту, чтобы служить своему же народу. И тем сильнее мой гнев и возмущение против тех, кто, может быть, и послужил причиной настоящей гибели Маяковского, а потом лицемерно выискивал удобную версию его смерти. Теперь эта «бездарнейшая погань» не смеет и голоса подать против него: всенародная любовь и признание

В. В. Маяковского навсегда заставили замолчать их голоса в советской литературе... Имя Владимира Владимировича Маяковского навсегда останется в памяти нашего народа как величайшего поэта советского времени, как выразителя идей своего времени. Его имя стоит рядом с именами Пушкина, Лермонтова и Некрасова. Смело беру на себя ответственность говорить от имени десятков миллионов его почитателей, не многие из них напишут вам, но, прочитав это письмо, они горячо выразят свое одобрение. И, глядя на этот многомиллионный фронт, пусть почувствуют свое ничтожество те из его хулителей, которые еще живы».

А вот что пишет из Одессы моряк Василий Кузьмич Бирюков:

«Маяковский — любимый наш поэт; и мы будем бороться за цели Маяковского, за мир, за коммунизм, как В. В. Маяковский.

В. В. Маяковский — любимый поэт советских людей, он любимый поэт моряков. Он для нас пример, как нужно жить и бороться за победу идей великого В. И. Ленина, за коммунизм».

Любимый поэт моряков... Такой узкой специализации, пожалуй, еще не было в истории поэзии. Но главное в том, что многие, очень многие люди, представляющие очень разные профессии, видят в Маяковском своего поэта.

Офицер В. Колесник из Мурманской области пишет:

«Знаю, что как поэт Маяковский жив и будет жить, с каждым днем находя все больше поклонников своего могучего, революционного таланта».

Именно революционного — этим и дорог Владимир Маяковский нашему народу.

А был ли дорог и известен Маяковский нашей молодежи, той молодежи, которая входила в жизнь в горячую пору первых, а еще точнее, первой пятилетки?

Честно говоря, мы не знали тогда о всех сложностях литературно-политической борьбы, бушевавшей в середине и конце двадцатых годов. Очень многие из нас в ту пору проходили свои университеты на строительстве новых заводов в Сталинграде и Ростове-на-Дону, на Урале и в Донбассе... К нам поэзия Маяковского приходила в чистом виде, не загрязненная мутными пятнами антимаяковских критических выступлений. Но кое-что и у нас осталось в памяти. Помню, осенью 1927 года Маяковский приехал в Ростов-на-Дону. В ту пору я еще учился в седьмом классе, но стихи Маяковского знал, любил и читал на школьных вечерах. Мне посчастливилось, я купил билет на вечер Маяковского. Поэт выступал в Доме Красной Армии. Я сидел совсем близко. Помню, как Маяковский вышел на сцену,

снял пиджак, повесил его на стул. Сказал: «Извините! Я буду работать. Так мне удобней».

Отошел от столика с книжкой стихов в руке к рампе и остановился, внимательно оглядывая зал. Стоял высокий, красивый, в полосатом джемпере. Потом начал читать поэму «Хорошо!». Чтение поэмы часто прерывалось аплодисментами. Закончив чтение, Маяковский сказал: «А теперь я буду отвечать на записки». Отвечая, он разговаривал словно бы с каждым сидящим в зале. Одна записка была оскорбительной. Он зачитал ее и спросил:

— Кто писал? Может, у этого человека найдется мужество выйти на сцену и объяснить более подробно, что он хотел сказать?

И тогда из зала на сцену выскочил маленький человечек в очках.

— Я... я писал.

— Пожалуйста, я готов объясниться.

Человек сбивчиво затараторил:

— Вы... вы, Маяковский... вы не поэт... Ваши стихи умрут раньше вас. Это не стихи. Вас забудут. Вы...

Маяковский молча смотрел на человечка, смотрел спокойно, словно со второго этажа на мусорный ящик, потом спросил:

— Все?

— Все... Все...— сказал, задыхаясь, человечек.— Ваши стихи никто не понимает,— и направился в зал.

— Стойте! — повелительно сказал Маяковский.— Стойте!

Человечек остановился. Маяковский грозно зарокотал:

— Я не знаю, когда умрут мои стихи... Но знаю другое: вы не умрете... Вас при жизни обольют металлом, и вы будете сами себе памятником. Памятником наглости и пошлости... Над вами будут летать, каркая, вороны и делать то, что делают иногда в полете птицы... И все это будет валиться на вашу голову, на всю вашу фигуру!

Зал разразился хохотом и овациями. Человечек сбежал со сцены и, провожаемый смехом, понесся к выходу... За ним следом поднялась девушка. Маяковский обождал, пока девушка вышла из зала.

— Здесь этот человек сказал, что мои стихи никто не понимает.

— Понимают! Понимают! — послышались возгласы.— Отлично понимают!

— Давайте проголосуем,— сказал Маяковский.— Кто понимает стихи Маяковского, поднимите руки.

В зале поднялись сотни рук.

— Так... Теперь — кто не понимает?

В зале поднялось несколько рук.

Маяковский начал считать. «Непонимающих» оказалось пять-шесть.

— Маловато, — серьезно проговорил Маяковский. — Ну, ничего, со временем и вы поймете.

В это время открылась дверь, и в зал вернулась спутница человечка в очках.

Маяковский зааплодировал и сказал:

— Правильно сделали, что вернулись.

— У меня был один номерок на вешалку с тем товарищем... Один номерок...

— Надо выбирать достойных товарищей, когда идешь на литературный вечер, — уже добродушно проговорил Маяковский. — А теперь, поскольку мы выяснили, что большинство собравшихся понимает стихи Маяковского, давайте слушать стихи.

Маяковский продолжал чтение...

Через два года на строительстве завода «Ростсельмаш», где я в ту пору работал слесарем, была создана литературная группа. Наверно, мы не очень хорошо тогда разбирались в тонкостях поэзии. Писали о том, чем жили. Это было горячее время. Мы строили завод. Бывало и так, что работали по две смены, да еще и без выходных дней. Да, конечно, в ту пору мы не очень разбирались во всех тонкостях поэзии... Но одного советского поэта именно в ту пору знали отлично — это был Владимир Маяковский. И, конечно же, мы старались подражать ему. Сочиняли поэтические лозунги и плакаты. Заводские художники рисовали эти плакаты, развешивали их в проходной завода, в цехах, над станками — всюду, где только было возможно. Нам хотелось работать так, как работал Маяковский.

...И вдруг 14 апреля 1930 года на «Ростсельмаш» докатилась страшная весть о гибели Маяковского. Маяковский застрелился! В это действительно невозможно было поверить. Все, что делал Маяковский, вся его звонкая сила поэта безраздельно была отдана атакующему классу. Для нас это были черные дни. Встройке боевой, кипучей мы не знали, что сопутствовало жизни поэта. Мы знали тогда только его стихи. Перед нами стоял образ поэта-агитатора, горлана-главаря. Да, собственно, этот образ остался и поныне. Уже много позже, слушая в Москве на различных вечерах выступления тех, кто знал Маяковского близко, кому выпала возможность личного общения с поэтом, слушая эти воспоминания, порой очень хлесткие, остроумные, пересказывавшие в общем-то ответы Маяковского на литературных вечерах, я не раз вспоминал вечер в ростовском Доме Красной Армии и, казалось, на первый взгляд незначительный эпизод с человечком, пытавшимся оскорбить поэта. И когда

вспоминал, то было уже не смешно, а грустно, ибо смешного в этом было мало — отбиваться от окололитературных хулиганов, без удержу топтавших честное сердце поэта. Нет, это не были рабочие, не были студенты и рабфаковцы, не были те, кто в ту пору жадно осваивал культуру и литературу. Те, кто бросался на Маяковского и его поэзию, отлично понимали поэзию Маяковского. Дело было в идейной направленности поэзии Маяковского. Как подтвердило и дальнейшее развитие литературно-политической борьбы, в каждом случае, когда содержание произведения не устраивало вполне разбиравшихся в форме и в содержании «ценителей» литературы, они выступали не против содержания, понимая, что это не будет поддержано, а против формы, что более удобно и, с их точки зрения, более целесообразно, ибо дает большой простор для литературно-критического крючкотворства. Примеров этому бесконечное количество: и более ранних, и более близких, и совсем недавних.

Вокруг открыто тенденциозной поэзии Маяковского шла борьба, завуалированная фарисейски-соболезнующими вздохами о «потере формы», и особенно наглядно было видно, куда шло направление главного удара по поэзии Маяковского. Удары нанесли по таким непревзойденным и поныне вершинам, как поэмы «Хорошо!» и «Владимир Ильич Ленин». Ведь известно, что некоторые поэты, формой стиха пытавшиеся следовать поэзии Маяковского, никогда не были подвергнуты столь сокрушительным критическим ударам, настигавшим Маяковского. Таких ударов не было только потому, что содержание поэзии этих других поэтов не поднималось до вершин содержания поэзии Маяковского.

Даже железобетон не выдерживает столь тяжелых ударов. Железобетон разрушается. А Маяковский был человек. А человеку и поэту мешали работать, так как удары шли по позициям, которые всю жизнь отстаивал Маяковский.

Поэтому так понятны думы и чувства многих читателей, которые и сейчас скорбят о поэте и человеке, считавшем себя заводом, вырабатывавшим счастье. В числе многих писем в редакцию об этом, может быть, наиболее выразительно написал геолог из Якутска И. И. Куклин:

«У нас написано и опубликовано много воспоминаний о поэте, но они повторяют друг друга вместо того, чтобы дополнять. Слишком много «близких друзей» развелось у поэта через 20—30 лет после его смерти.

Пора снять с поэта многопудовую бронзу, отодвинуть «гром» и «трибуна» — показать человека «из мяса всего», показать его нежную, человеколюбивую душу.

Я хочу
быть понят моей страной,
а не буду понят,— что ж,
по родной стране
пройду стороной,
как проходит
косой дождь.

Мы в долгу перед памятью поэта. Мы разделяли его на части: принимали одно и отбрасывали другое. Ему уже не больно — больно памяти о нем. Он хотел, чтобы его восприняли и поняли целиком. Он тяжело переживал, что его не всегда понимали при жизни. Он не хотел быть ни бронзовым, ни трибуном. Он хотел, чтобы в нем видели человека.

В том и заключается его трагедия, что очень чувствительна и легко ранима была душа, а многие этого не понимали, не хотели понимать.

В том и заключается его жизненная сила, гигантская сила, что он был человек, не со стальными, а обыкновенными человеческими нервами, не с железным, а по-детски доверчивым и мягким сердцем. Огромная воля давала ему силу, предельное напряжение мыслей и чувств возвышало его, поэтому он казался неуязвимым, поэтому он и не выдержал.

Кто видел всю глубину его души? Разве только мать, сестры, близкие друзья да еще немногие люди.

Маяковский требовал признания талантливых поэтов при их жизни, требовал просто человеческого внимания к ним, тепла. Забота о талантах усиливала нетерпимость к бездарностям. Принципиальность и прямота обходились дорого. Покоя не было. Сплошная борьба. Борьба за лучшую жизнь, борьба за любовь, борьба за справедливость... А в живую, человеколюбивую душу часто летели плевки. «Уставал отбиваться и отгрызаться».

Таким я вижу Маяковского и хочу, чтобы многие его увидели, особенно молодежь. Увидели бы его красоту человеческого».

К сожалению, этого не понимали многие критики и те люди, кто, неизвестно по какому праву, пытался присвоить монопольное право на владение памятью и бесценным литературным наследством Владимира Маяковского.

Жизнь любого человека сложна. Человек не живет по заранее спланированной схеме. У одних жизнь бывает проще и ясней, у других пересекается многими, подчас трагическими событиями. Жизнь большого, великого поэта, его творчество не

волюционному движению, всем пяти материкам, где на множестве языков звучат его стихи.

Смешно сказать, в то время, когда некоторые критики объявляли Маяковского «непонятым», его стихи уже переводились и читались в десятках стран.

Маяковский хотел, чтоб к штыку приравняли перо. Его перо, его поэзия стали действенным оружием в борьбе за революционное преобразование мира.

Время Маяковского вечно, потому что он выражал самые передовые идеи нашего века, идеи революции, идеи коммунизма.

Пускай
 за гениями
 безутешною вдовой
плетется слава
 в похоронном марше —
умри, мой стих,
 умри, как рядовой,
как безымянные
 на штурмах мерли наши!

Наши! Да, для Маяковского те, кто умирал на штурмах старого мира, всегда были наши. Он и на это был готов — на смерть своих стихов. Но здесь поэт был уже не властен. Стихи Маяковского в строю, весь его строчечный фронт, каждое слово поэта.

Нет, Маяковский не был одинок! Может быть, он и не всегда знал об этом. И в годы жизни поэта миллионы людей знали, росли, учились советскому патриотизму на стихах поэта.

И сейчас, как свидетельствует жизнь, поэзия Маяковского близка и дорога поколениям последнего времени.

Поэзия Маяковского жила, живет и вечно будет жить, как живет и вечно будет жить имя великого поэта.

Только надо навсегда очистить память поэта от всего случайного, наносного, от недобросовестных попыток монополизировать наследие поэта. Это надо сделать всюду — и в первую очередь в изданиях поэта. В некоторых изданиях в многословных комментариях читатель иногда узнавал не столько о жизни самого поэта и его творчестве, сколько о частной жизни и зряшных пустяках из жизни других людей. Всяческие ракушки, прилипшие по океанскому ходу жизни поэта, должны навсегда отвалиться.

Нам представлялось бы целесообразным создание постоянно действующего комитета или комиссии по литературному наследию Владимира Маяковского, где были бы широко представле-

ны не только литературоведы и литераторы, но и те, кому принадлежит поэзия Маяковского, — его многочисленные читатели из всех социальных групп нашего общества.

Поэзия Маяковского является национальным достоянием нашего народа, его неотъемлемой собственностью, поэтому творчество и жизнь Маяковского должны быть исследованы скрупулезно, объективно и полностью избавлены от случайных и вкусовых домыслов. Думается, что результатом такой работы могла бы стать наиболее полная, популярно написанная книга о жизни и творчестве поэта.

Необходимо, чтобы скорее начал работать вновь организуемый Музей Маяковского, в котором жизнь и творчество поэта революции предстали бы перед любителями поэзии научно аргументированными.

Для истинных любителей и поклонников поэзии Маяковского — а их несметные легионы — сегодня большой праздник. Мы встречаем семидесятипятилетие со дня рождения Владимира Маяковского в животворной атмосфере любви к его поэзии. На вооружении нашего народа его стихи, его бессмертный образ, его шаги сажены.

...Маяковский стоит, добрый и великий, на площади своего имени, пристально всматриваясь в лица своих потомков.

А рядом течет, бурлит, как океан, воспетая им жизнь.

1968 г.

ЕВГЕНИЙ ПОПОВКИН И ЕГО «ТАВРИДА»

Весной 1967 года я упросил Евгения Поповкина дать мне почитать то, что он сам назвал романом «Таврида». Откровенно говоря, все его друзья тревожились длинному периоду писательского молчания, хотя и знали, что Поповкин работает, берет «творческие отпуска», выезжает время от времени в Крым, в те самые места, которые он так хорошо знал.

Нельзя сказать, что Евгений Ефимович в последние годы не печатался. Изредка публиковались его рассказы, в том числе и такие, как «Стреляный петух» и особенно превосходный рассказ «Как выбирали Катерину», настоянные на добром народном юморе, с забавной ситуацией, подсмотренной в жизни. Печаталось несколько отрывков из «Тавриды», один из них — в «Правде», три — в журнале «Огонек». Поездки в Грецию и во Францию также не прошли бесследно для нашего друга. В «Огоньке» были напечатаны интересные записки «Под древним

небом Эллады». В журнале «Москва» — дневник путешествия по Франции. Одним из первых писателей Поповкин улетел в Ташкент, только что переживший землетрясение, и вскоре же опубликовал в «Огоньке» очерк о людях города, насыщенный драматическими подробностями только что свершившейся трагедии, не приукрашивая в нем ничего и не умаляя подвига жителей столицы Узбекистана.

Мы знали, сколько времени отдавал он журналу «Москва», в котором проработал десять лет... Знали, но с тревогой видели, как минуют месяц за месяцем, год за годом, а большая книга все еще не появляется. Когда дружишь, когда знаешь все друг о друге, а тем более, когда не остаешься безучастным к тому, что твой товарищ задумал, особенно тревожишься, беспокоишься о том, когда же, когда все будет запечатлено на бумаге.

Евгений Ефимович был знаком мне как журналист ростовской газеты «Молот», и я однажды очень удивился, когда вдруг этот симпатичный и общительный человек издал перед самой войной роман «Большой разлив». Роман был издан в Ростове-на-Дону. Издан не очень большим тиражом, широкой известности в ту пору он не получил. Поповкин был призван в Красную Армию.

Вначале работал редактором художественной литературы Воениздата, а когда началась Великая Отечественная война, был направлен по собственной просьбе в Действующую армию и назначен редактором армейской газеты Северо-Западного фронта. Еще в конце войны он начал новый роман «Семья Рубанюк». Долго и кропотливо его писал. Работал в Крыму и Симферополе. Укрывался от шумной писательской жизни в укромных местах, в селах, в пустынных зимой крымских домах отдыха и писал, писал, писал...

Так появилась «Семья Рубанюк», произведение многоплановое, широкое, полюбившееся читателям, сделавшее Евгения Поповкина не просто автором романа, промелькнувшего в пестром калейдоскопе имен и фамилий. Роман был опубликован в журнале «Октябрь». Тут будет уместно вспомнить Федора Ивановича Панферова, всегда умевшего поддержать молодого литератора не только словом (хотя и это не так-то уж мало), но и делом. Было естественным обращение Поповкина именно в «Октябрь», снискавший себе усилиями Панферова заслуженное уважение тем, что журнал всегда искал и тщательно работал с молодыми писателями, поддерживал их, а в случае нужды умел и защитить их от нападков формалистической, эстетской критики, которая нет-нет да и мелькнет на беспокойном литературном горизонте. Я не знаю всех подробностей работы Федора

Панферова над редактированием романа «Семья Рубанюк» — подробности эти во время наших встреч с Поповкиным как-то ускользали, — но помню, отлично помню Поповкина, носившего тогда еще форму полковника, уезжавшего после очередной встречи с Панферовым в Симферополь. Писатель говорил нам: «Надо еще поработать, Федор Иванович прав. Главное, что и он и вся редакция меня поддерживают». Поповкин уезжал, проходило несколько месяцев, он возвращался в Москву и отправлялся в журнал «Октябрь». Так роман «Семья Рубанюк» появился в свет, а когда закончилась полностью его публикация, роман был удостоен Государственной премии третьей степени. Сейчас в этих степенях разбираться уже трудно. Некоторые литературные произведения, удостоенные и более высоких степеней, как-то стушевались, ушли в песок истории, но роман «Семья Рубанюк» живет и сейчас, и, сколько бы его ни выпускали в свет, тиражей никогда не хватает.

Писатель не живет отдельно от каждой своей книги. Так мне, во всяком случае, кажется. Незримая ниточка тянется порой от одной книги к другой. Есть писатели, которые, в каких бы ситуациях ни рождалась каждая новая книга, всегда словно бы привязаны к тому, что было сделано раньше. Так случилось, что первый роман Поповкина «Большой разлив» я прочел после «Семьи Рубанюк». Было это, по-моему, в 1953 году, летом, после того, как мы с Евгением, предприняв большое путешествие на автомашине из Москвы на Украину, на Днепропетровщину, отправились на Дон, Кубань, затем бросили якорь на Черноморском побережье в Адлере.

Само путешествие было настолько интересным по встречам с людьми, что оно осталось в памяти как глава нашей жизни. Евгений Ефимович часто вспоминал тогда неизвестную мне семью садовода-агронома Алексея Калиновича Белая из колхоза «Червона Січ», расположенного неподалеку от города Запорожье. Знакомство писателя с этой семьей возникло, что называется, по переписке, а точнее, по письмам, которые в большом количестве направляли Поповкину читатели романа «Семья Рубанюк». Алексей Калинович Белай писал Поповкину о том, что, прочтя «Семью Рубанюк», очень был удивлен тем обстоятельством, что ситуации романа, его герои и даже судьбы героев романа оказались чрезвычайно схожими с судьбой большой семьи Белаев, и звал писателя приехать в гости, чтобы он мог узнать подробности их жизни.

Евгений Поповкин был всегда легок на подъем. Из Симферополя он отправился в «Червону Січ», был радушно встречен в колхозе, подружился с семьей садовода и много полезно почерпнул для себя.

Теперь мы ехали в колхоз уже вдвоем. Я это делал тоже с удовольствием, так как в ту пору задумал пьесу, в этой же поездке получившую, по обоюдному нашему согласию, название «Сердце не прощает». Поповкин, с которым мы за год до этого вместе побывали на строительстве Цимлянского гидроузла, хорошо знал о моем замысле и настаивал: «Поедем, ты не пожалеешь». И я действительно не пожалел. Мы встретили интереснейших людей. Я с удивлением и одновременно с удовольствием смотрел, как сердечно принимали Евгения Ефимовича в колхозе. Принимали не как заезжую знаменитость, а как своего человека.

Остановились мы в хате у Алексея Калиновича. Было душное дождливое лето. Шла уборка хлеба. Почти все колхозники были все время в поле. Мы коротали время с Алексеем Калиновичем. Из этих бесед становилось ясным, насколько близки были ситуации романа «Семья Рубанюк» тем, в каких жила семья Белаев... Да и все люди вокруг добавляли какие-то жизненные подробности. Помнится, познакомились мы с очень интересным человеком, председателем сельсовета Верой Корнеевной (фамилия с годами ушла из памяти), человеком очень сложной судьбы. Присматривался к ней, внимательно слушал ее рассказы Евгений Ефимович. У него явно рождался замысел нового романа. Не знаю, насколько точно (да и вряд ли здесь могут быть точности), но, по-моему, Солодкая (фамилию которой я подсказал Поповкину, как несколько позже он дал мне имя Павлины Хуторной для моей «Стряпухи») в какой-то степени носит черты Веры Корнеевны, председателя сельсовета, в сферу влияния которого входил и колхоз «Червона Січ».

Уже после того как мы попрощались с нашими хозяевами, нагрузившись на дорогу яблоками из необъятных садов, где верховодил Алексей Калинович, в машине Поповкин сказал мне:

— Я ведь не просто для времяпрепровождения потащил тебя в «Січ». Бродит у меня в голове один замысел... И название есть. Как тебе нравится — «Таврида»?

— Не очень понимаю, почему «Таврида»? Это все-таки Таврия, Крым.

— Крым... Но Крым-то заселяется сейчас людьми, прибывающими отовсюду. А их я знаю... Характеры их мне симпатичны...

— Это что, новый роман, Женя?

— Да, новый роман «Таврида».

— О переселенцах?

— Не только о переселенцах... В Крыму разные люди жи-

вут... О переселенцах написал Петр Андреевич. Тебе нравится «Счастье» Павленко?

— Да, конечно.

— Вот и я хочу... только, может, с более широким захватом... Не такой локальный. Меня уже и Павленко подзадоривал... Помнишь наш разговор в Симферополе?..

Однажды мы провели вечер с Петром Андреевичем Павленко, прочно осевшим в ту пору в Ялте, сдавшим бразды правления крымской писательской организации Евгению Поповкину. Разговор я помнил.

— Вы, Евгений Ефимович, не обижайтесь только,— говорил Павленко,— своеобразный бытописатель... только не старой формации, не домашней... У вас это хорошо получается. Читатель любит, когда в литературе себя узнает. Он тогда себя больше человеком чувствует. Вы о Крыме обязательно должны написать, крымские харчи отработать. А то мы тут живем, воздухом дышим, вино крымское пьем, чебуреки потребляем, а отдача малая.

Поповкин посмеивался:

— Вам-то, Петр Андреевич, об этом не говорить...

— У меня книга вышла, уже не остановишь. Я бы, может, что пошире в ней сделал — теперь поздно.

— Наверно, и сейчас не поздно.

— Не поздно, конечно, для издания. Но читатель, он хитрый человек... Он один раз книгу прочел — вторично уже не будет. Сличать, что я сделал для другого издания, не станет, даже если лучше сделано. Фадеевскую «Молодую гвардию» знают по первому изданию.

— Я подумываю, Петр Андреевич,— говорил Поповкин.— Да как-то не решаюсь.

— А вы решитесь.

— Если писать, тут уже многое нужно. И Северо-Крымский канал... Я, правда, бываю там.

— Да, канал должен много Крыму принести. Решайтесь, Евгений Ефимович...

Видимо, именно в ту пору Поповкин и решил.

Но побудителем к этому решению был не один Павленко.

Однажды по приглашению Сергеева-Ценского мы с Поповкиным приехали к нему на дачу в Алушту.

Сергей Николаевич встретил нас радушно. Поставил нам на стол кувшин вина, себе цедил в бокал виноградный сок. Читал стихи и новые басни. Голос у него был гудящий и заполнял просторную веранду. Стояла ранняя осень, листья кое-где уже были с желтой подпалиной. Ценский откровенно любовался природой, не скрывая своей привязанности к Крыму.

— Писатель редко бывает счастливым человеком. Для того много причин, батенька.— Он обращался главным образом к Поповкину.— Но если говорить чистосердечно, то я вот оказался счастливым. Но совсем не потому, что вот так долго живу... Пока писатель может, он должен ездить, смотреть, но в одно утро должен сказать себе: хватит, пора осесть на одном месте. Вот я осел!.. И хорошо осел, батенька. Вы еще ездите, это прекрасно, а я уже нет. Я здесь живу, а всего не вижу, а вы видите, вам об этом писать положено. Я ведь и не понимаю многого, а вы понимаете... Здесь как-то позвонили из газеты, просят... Напишите, Сергей Николаевич, о колхозах. А что я напишу? Я в колхозах не бываю. Да и люди в них здесь все новые, не знаю я их... Они в этом не виноваты. Но я тоже не виноват. Я столько в жизни, батенька, посмотрелся, что дай бог успеть все это на бумаге изложить. О прошлом напишешь, о ратном подвиге русского народа — и то тебя бьют, в квасные патриоты зачисляю... А вот вы можете, батенька. Вы помоложе.

— Трудно, Сергей Николаевич,— сказал Поповкин.

— А трудно, так и в писатели не шли бы.— Ценский громко захохотал.— А раз уж пошли, тут не отказывайтесь от славы... Она, правда, бывает и горькая и сладкая. Сладкую не приемлю, а горькую не люблю. А серединой, к сожалению, не бывает... Вас еще не очень слава побаловала. Вот вы и подразните ее.

— Да, уж придется подразнить, Сергей Николаевич,— вдруг неожиданно решительно сказал Поповкин.

— И правильно, подразните... Слава — штука капризная.

Сергеев-Ценский подружился в те годы с Евгением Ефимовичем. Вообще не очень доверчивый, даже нелюдимый, он всегда охотно встречал Поповкина у себя в Алуште, часто писал ему.

Вернувшись в Симферополь, мы рассказали о встрече с Сергеевым-Ценским Дмитрию Степановичу Полянскому, работавшему тогда первым секретарем Крымского обкома партии. Полянский живо интересовался подробностями встречи, а потом сказал:

— Что же, от старика трудно сейчас требовать чего-то такого о современной жизни. Да, может, и не надо. Он хорошо поработал в русской литературе. Наверно, и еще что сделает. А вот о нынешнем Крыме, Женя, тебе бы следовало написать что-то такое, подобное твоим «Рубанюкам». А что? Крымчане были бы тебе только благодарны. Смотри, какие люди приезжают в Крым. Разные, конечно, но в основном работяги. Стоит, Женя. Подумай.

— Думаю, Дмитрий Степанович... Собираюсь.

— Вот и хорошо. Ты член обкома партии; как живет об-

ласть, хорошо знаешь... Я понимаю,— сказал, улыбаясь Полян-ский.— Рубанюков жалко оставлять?

— Уже оставил, Дмитрий Степанович. Хоть и жалко, но оставил.— Поповкин улыбнулся.— За Крымом смотрю.

Поповкин действительно «смотрел за Крымом». Его хорошо знали в районах. Он часто бывал в совхозах и колхозах. Помнится, вместе с ним побывали мы в некогда гиблом месте под названием Семь Колодезей: ни воды, ни деревьев. Но оказался в Семи Колодезях секретарем райкома партии ныне уже тоже покойный Николай Иванович Парельский, человек, потерявший из-за несчастного случая ногу,— и все как-то, не вдруг, конечно, преобразилось в районе. Гиблое это место стало набирать силы. Появилась вода, зазеленели деревья, люди стали жить по-иному. И Парельского и многих других хорошо, не понаслышке, знал Поповкин, бывал у них, выпытывал сокровенные думы, пользовался не только чужим пересказом, но и сам наблюдал, как и что получается у этих людей. И не только в Семи Колодезях.

И когда я на берегу Черного моря, в Адлере, прочитав и удивившись талантливому роману «Большой разлив», спросил Поповкина:

— А что же ты, Женя, не переиздашь эту книгу?

— Собираюсь. Тут есть неточности. Архаизмы времени,— ответил Поповкин и, в свою очередь, спросил: — А ты считаешь, можно?

— Еще бы! События, близкие к «Поднятой целине», но написано по-своему.

— События несколько иные... Но это первая книга. Есть слабости.

— Есть. Но книга-то вся хорошая! Надо делать.

— Я и сам так думаю... Думаю о «Тавриде», а сам к «Большому разливу» возвращаюсь. Чувствую, после него смогу застесаться за «Тавриду».

Обстоятельства сложились так, что вскоре Евгению Ефимовичу пришлось покинуть Крым и переехать в Москву редактировать недавно созданный журнал «Москва». Он долго колебался, прежде чем дать согласие:

— Не умею раздваиваться, много придется отдать времени журналу.

— Сумеешь, подберешь редколлегию, хороший коллектив, сумеешь,— говорили мы ему, рассчитывая, что, когда наш товарищ переберется в Москву, одним другим прибавится.

Поповкин дал согласие.

Помнится, улетали мы с ним из Симферополя в Ростов. Была осень. Хмурилось небо. Резкий ветер гонял по аэродрому пе-

рекати-поле. Когда уже была объявлена посадка в самолет, в аэропорту появился работник обкома партии, увидел Поповкина, быстро подошел к нему.

— Евгений Ефимович, поздравляю вас. Только что позвонили из Союза писателей Российской Федерации. Вы назначены главным редактором журнала «Москва».

— Да-а? — тревожно протянул Поповкин.

— Вы недовольны?

— Да не то чтобы... Но ведь писать надо...

...Евгению Поповкину выпала нелегкая доля — по существу, создавать заново журнал. Он сумел объединить вокруг себя талантливых, разных литераторов, и «Москва» заняла достойное место в ряду других, с большим стажем журналов Союза писателей.

Но... но, конечно, эта редакторская работа сказалась на творчестве Евгения Поповкина. Проза требует усидчивости. Характер литературного таланта Поповкина всегда отличался неторопливостью в суждениях, обстоятельностью в подходе к тому, что он пишет. Литературный строй его речи далек от той модной скороговорки, которой пользуются некоторые (к счастью, далеко не все) молодые писатели, учась в основном на западных образцах или следуя некоторым нашим маститым литераторам, утверждавшим в прозе импрессионистский стиль. Конечно, мы огорчались вынужденной медлительностью Поповкина. Но разве он был один среди писателей, которые долго вынашивают книгу, тщательно обдумывая не столько ее формальные качества, сколько глубину содержания? И все же мы огорчались. Я несколько раз просил Евгения Ефимовича:

— Дай почитать, я ведь друг... Книга рождалась во многом и на моих глазах.

И вот весной 1967 года Евгений после очередной моей просьбы вручил мне объемистую рукопись.

Он волновался.

— Читай с пристрастием.

Его волнение передалось и мне. Не скрою, я тревожно принялся читать роман, вернее, его первую часть... Но чем больше уходил в рукопись, тем больше понимал, что задумана действительно объемная книга о людях нашего времени. В рукописи были некоторые длинноты; кое-где, видимо, поддаваясь власти событий, происходивших в то время в стране, Поповкин вписывал случайные страницы... И, конечно, была некая незавершенность произведения, в котором герои только начинали свой жизненный путь. Но при всем этом книга увлекала меня, характеры героев уже были не просто намечены, но и даны в

сложных жизненных переплетениях. Возвращая рукопись, я сказал:

— Женя, ты должен завершить первую книгу. Герои твои уже живут и действуют... Не надо тянуть...

— Не надо,— ответил он,— согласен... Вот немного подлечусь и сяду за письменный стол.

Он уже чувствовал себя неважно. Болезнь глухо подтачивала его. Обычно веселый, он и сейчас пошучивал, но шутки его были горьковаты. Скоро он переселился в больницу. Мы еще не знали, что за болезнь у нашего друга. Но отсутствие диагноза тревожило нас. Потом была операция, и тогда все стало ясно. Мы теряли друга. Не сразу, постепенно, но теряли.

В феврале 1968 года он скончался.

Мы еще не знали тогда, что, будучи больным, он продолжал работать. Правда, это была не «Таврида». Перенеся тяжелейшую операцию и немного придя в себя, уже дома, он продолжал работать.

«Таврида» же все время откладывалась. До времени, когда, как считал писатель, он почувствует себя лучше.

У Евгения Поповкина была боевая, интересная жизнь. Комсомольская юность. Именно этой юности и посвящен его рассказ «Графская кухарка», опубликованный уже после смерти писателя в «Огоньке». А первая, по существу, законченная, часть «Тавриды» осталась и напечатана в журнале «Москва» как самостоятельное произведение.

Конечно, можно только сожалеть, что роман не получил своего полного завершения: замысел Евгения Поповкина вмещал огромную историческую перспективу. Писатель предполагал продолжить повествование до наших дней, провести своих героев по дорогам современности, раскрыть новые драгоценные грани их характеров.

Читатели, знающие книги Поповкина «Большой разлив» и «Семья Рубанюк», воспримут «Тавриду» как их продолжение. Евгений Поповкин хорошо знал, любил героев нашей жизни. Люди в героях книг Поповкина узнавали себя, свои судьбы и поэтому любили, да и будут любить их долго.

Если у человека что-то остается незавершенным в жизни, значит, это была большая, насыщенная жизнь, отданная своему народу. Такую жизнь прожил Евгений Поповкин, жизнь, близкую жизни своих героев.

1968 г.

ПАРОМ НА АЛАНДЫ

Если ты однажды побывал в чужой стране и она не оставила тебя равнодушным, значит, в этой стране, в людях, которых ты узнал, есть что-то такое, что вызвало твой интерес... А если ты бывал в этой стране не один, а много раз, запомнил не только ее города, но и улицы, а главное, хорошо узнал многих людей, уклад их жизни, их тревоги и радости, то, совершенно естественно, тебя всегда будет снова и снова тянуть в эту страну. Если же случился значительный перерыв в твоих встречах, тем острее будут впечатления от новой встречи. Что нового? Куда пошла страна? Как тебя встретят и как ты сам отнесешься к твоим старым знакомым?

После длительного перерыва я снова побывал в Финляндии. И не просто в Финляндии, а на Аландских островах, расположенных в Балтийском море. Много раз собирался во время прошлых посещений Финляндии побывать на Аландах — и все как-то не получалось. А теперь в главном городе Аландских островов, их столице, в Мариехамне, состоялись Дни мира, в которых приняли участие общественные деятели Финляндии, Дании, ГДР, ФРГ, Польши, Норвегии, Советского Союза и Швеции.

К Аландам два пути — морем и воздухом. Около 600 участников Дней мира отправились в Мариехамн морем, большим старым паромом. Кажется, не так уж много времени — шесть часов плавания, но все же паром, чем-то напоминающий Ноев ковчег, давал возможность присмотреться к попутчикам.

Три палубы парома достаточно тесны для такого количества людей. Кто сумел, тот занял удобные места на нижней палубе, где было потише, не так ветрено. У меня болело горло, начиналась ангина, я отсоединился от нашей делегации и пристроился на нижней, непродуваемой палубе, среди пожилых финнов, людей простых, доброжелательных и веселых. Дни мира для них и дни отдыха. То ли меня узнали жители старого финского города Турку, в котором я много раз бывал в прошлые годы, то ли по закону гостеприимства, мне уступили в уголке на палубе место, поощрительно улыбались, время от времени угощали кофе и шоколадом и разговаривали со мной, нисколько не смущаясь тем, что я не мог отвечать на финском языке, но это не имело значения ни для них, ни для меня. Моим спутникам, видимо, важно было сказать, что они считали необходимым, а мне в ответ приветливо улыбаться, давая понять, что языка я не знаю. Но все было превосходно. Рядом со мной старик в очках в простой оправе играл на ба-

яне. Пожилые, полные женщины кружились в вальсе. Напротив за столиком веселая компания интенсивно меняла бутылки пива, изредка дополняя их маленькими порциями бренди. Все шло своим чередом.

Мимо мелькали большие и маленькие каменистые, щедро поросшие лесом острова. За паромом тянулись в ожидании добычи крикливые чайки. С каждым часом на пароме становилось все более шумно. В полную нагрузку работали киоски. Мне все же надоело сидеть, оберегая свое горло от ветра. Бросив на скамейку плащ, я пошел побродить по палубам. Шумный разговор перекатывался от скамейки к скамейке. Бродя по парому, я все чаще встречал группки молодежи. Внешне они выглядели несколько необычно для финских юношей и девушек, во всяком случае, тех юношей и девушек, которых я запомнил по старым своим поездкам в Финляндию. Это были, не все, конечно, по внешнему облику типичные «хиппи» — длиноволосые, с бледными лицами, бездумно блуждающими глазами. Большинство из них сидели на корме, цедили в стаканчики бренди, плохо скоординированными движениями махали руками и нещадно курили... И девочки-подростки и их партнеры-юноши. Нам всегда бывает горько, когда мы видим полудетей с сигаретами между тонкими девичьими пальцами...

На палубе, где стояли поднятые на паром автобусы и автомашины, я увидел двух девушек: одну побольше, другую — маленькую, голубоглазую. Обе они курили, о чем-то беседуя, небрежно стряхивая пепел. Мимо шли люди, останавливались, смотрели на них... А они продолжали беседовать, ни на кого не обращая внимания, рассеянно сбрасывая пепел, две девочки в коротких потрепанных джинсах...

Убедившись, что верхняя палуба из-за сильного, холодного ветра мне противопоказана, я вернулся на старое место, туда, где продолжал весело звучать баян, вздрагивая в грубых руках пожилого человека, добродушно смотревшего поверх очков на кружащихся в вальсе немолодых полных женщин. Здесь не было уныния. Женщины не курили. Мужчины вели какой-то бесконечный разговор, громко хохотали и дружески подмигивали мне.

Здесь было тепло и даже душно. Я слушал несложную мелодию баяна, смотрел на очень просто, обычно одетых женщин и невольно сравнивал эти, казалось бы, несприкасающиеся две категории пассажиров парома — людей зрелых, в возрасте и совсем молодых, печальных девушек и не очень опрятных парней.

В день нашего приезда в Хельсинки наш посол Андрей

Ефимович Ковалев показал советской делегации недавно выпущенный финский фильм «Лапуасская свадьба». Перед сеансом он сказал: «Посмотрите, мне кажется, вам будет интересно. Этот фильм получил в прошлом году одну из национальных премий». Фильм действительно оказался интересным. В нем показывались судьбы студенческой молодежи, пытливо ищущей дорогу в жизни. Без особого смакования всяческих натуралистических, сексуальных подробностей, являющихся обязательной принадлежностью современного буржуазного коммерческого кинематографа, фильм вел своих героев через большие и малые жизненные барьеры, вел с любовью к героям, словно бы заботясь не только о самих героях фильма, но и о тех, кому доведется этот фильм смотреть. Нельзя сказать, чтобы фильм был ладно скроен, но в нем, словно пульсирующая жилка, пробивался неукротимый внутренний оптимизм времени, времени сложного, отягощенного думами и заботами не только о настоящем, но и о будущем.

Сидя на палубе парома и наблюдая за тем, что проходило перед моими глазами, я невольно вспоминал эту кинокартину, ибо здесь происходило нечто похожее.

Совсем близко замелькали очертания Мариехамна. Стоящие у причала корабли. Одинокие белые паруса. Автомшины на пристани. Паром причалил к берегу...

В тот же вечер в большом спортивном зале города состоялась вечер дружбы, на котором с короткими приветственными словами выступали руководители делегаций. Но, пожалуй, главным на этом вечере были все же не речи, а художественная часть.

Мы с удовольствием смотрели народные танцы Аландских островов. Слушали небольшой самодетельный симфонический оркестр. Участники вечера тепло приняли советских артистов... Это как бы был концерт... И в то же время не концерт. После выступления представителя делегации ГДР на сцену вышли две девочки и два мальчика с гитарами. Они спели всего одну песню. Содержание ее нам перевели. Что-то знакомое слышалось в мелодии. Да, конечно же, строй песни напоминал знаменитые революционные песни Эрнста Буша. Вот короткие мысли этой песни: «Скажи, с кем ты? Скажи, где ты стоишь? Давайте называть вещи своими именами... Не надо скрываться под маской, скажи, с кем ты?!»

Четыре жестких молодых голоса звучали под сводами большого спортивного зала. И все затихли... И долго аплодировали, когда сцену покинули тоненькие девочки и юноши с обычными гитарами.

Но это было не все. На сцену вышла группа юношей и де-

вушек в красных косынках. Это были пионеры из города Турку. И в первом ряду среди них я увидел ту самую голубоглазую, печальную девочку, что равнодушно стряхивала пепел сигареты на палубу парома. Пионеры запели на финском языке хорошо знакомую нам песню «Хотят ли русские войны». Но они отредактировали эту песню. Строки «хотят ли русские войны» в их песне не было. Строка была исправлена. Финские юноши и девушки спрашивали: «Хотят ли люди войны? Все люди на земле?..»

А затем они исполняли собственную песню о Вьетнаме... И эта песня, необычная по форме — речитатив сменялся пением, — снова захватила зал, соединилась с песней немецкой молодежи «Скажи, с кем ты?».

А я слушал и думал о том, как непохожа была эта голубоглазая девушка, стоящая среди своих друзей на сцене спортивного зала в Мариехамне, на ту, что стояла возле плывущих на пароме автобусов и автомашин... Но это была одна и та же голубоглазая девушка в коротких поношенных джинсах.

Уже позже, вернувшись с Аландских островов, в городе Турку, где мы провели целый день, возложив алые гвоздики на мемориальную доску возле дома, в котором когда-то жил Владимир Ильич Ленин, вечером мы снова встретились с этим впечатляющим маленьким ансамблем финских пионеров; на этот раз, кроме уже слышанных нами песен, спетых на финском языке, звучали еще и «Подмосковные вечера» В. Соловьева-Седого и «Одинокая гармонь» Бориса Мокроусова.

Так, с самого начала, едва паром причалил к Мариехамну, мы были включены детскими голосами в атмосферу этой знаменательной встречи на Аландских островах, встречи, на которой делегаты одновременно состоявшейся здесь конференции обсуждали жизненные проблемы, волнующие большинство европейцев, и приняли важные решения по вопросам европейской безопасности и нераспространения ядерного оружия.

Не случайно было горячо принято выступление главы советской делегации, заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР А. А. Мюрисепа, изложившего ясную и твердую позицию Советского Союза в вопросах европейской безопасности и, как один из пунктов в этом вопросе, неизбежность ныне существующих границ в Европе.

Много места в выступлениях делегатов было уделено обсуждению попыток Бонна заполучить атомное оружие.

Делегат, представляющий миролюбивые силы ФРГ, говорил о том, что трудящиеся Западной Германии выступают против принятия бундестагом вопреки сопротивлению трудящихся чрезвычайных законов, являющихся прямой угрозой миру.

— ФРГ сейчас вызывает наряду с США чувство ненависти, так как принятие этих законов является угрозой не только тем, кто живет в Западной Германии, но и для всех народов Европы,— с горечью говорил представитель сторонников мира ФРГ.

Министр промышленности Финляндии В. Лескинен в своем вступительном докладе высказался за признание обоих германских государств — ГДР и ФРГ.

Недолго, всего двое суток, продолжались Дни мира на Аландских островах. Гостеприимные хозяева сделали все, чтобы участники конференции, впервые встретившиеся в Мариехамне, как следует поработали на благо мира и одновременно отдохнули, полюбовались действительно изумительно красивой природой Аландских островов.

...И снова причалил к гавани Мариехамна паром. Делегаты возвращались домой. На этот раз паром был новый, недавно построенный в Югославии... Снова царило веселье на палубах парома. Звучал оркестр. Молодые и старые отплясывали летку-енку. Только среди всех этих людей странно было видеть группу обросших, грязных типов неопределенного возраста, сидящих на задней корме под тряпкой, привязанной к палке. Эти нетрезвые люди называли себя маоистами. Они пытались дарить значки с изображением Мао. Пьяными голосами выкрикивали его имя... А потом, когда кончились алкогольные запасы, пошли по палубам с призывом сделать взносы в пользу Вьетнама. Люди охотно давали им по одной-две марки. Собрав необходимую сумму, поклонники Мао незамедлительно отправились в киоск и на все даяния купили виски и бренди и продолжали пиршество.

Паром подошел к гавани. Шатаясь из стороны в сторону, поклонники Мао поплелись к берегу и там, обессиленные, завалились на асфальт... Пассажиры парома проходили мимо них, брезгливо оглядываясь.

...Рассказ о поездке на Аландские острова был бы неполным, если бы я не упомянул группу советских актеров, принявших участие в Днях мира на Аландских островах. Всюду — на Аландах, в Турку и в Хельсинки — проходил, по существу, маленький фестиваль искусства советских прибалтийских республик, пославших на Аланды своих талантливых представителей. Финны сердечно приветствовали исполнителей на народных литовских инструментах Дануте Юодвальките, Будрюса Пранцишкуса и солиста Государственного литовского театра оперы и балета Ваулеваса Даунораса, народного артиста Латвийской республики Питера Гравела и композитора Элгу Игенберг, прекрасных танцоров из Риги Ренату Шавейс и

Дайлона Рудовица, популярного певца из Эстонии Калмара Тенносаара, а также молодую талантливую исполнительницу русских песен Екатерину Шаврину.

Сердечно принимали зрители молодой самодеятельный коллектив «Гамма-джаз» ленинградского завода «Вибратор», руководимого инженером Александром Петровым.

...Дни мира на Аландских островах удались. Они останутся в памяти тех, кто участвовал в них, они останутся в памяти тех, кто будет горячо поддерживать решения, принятые сторонниками мира в Мариехамне, столице Аландских островов. Их запомнят девушки и юноши, которые впервые со своими песнями обратились к делегатам восьми прибалтийских стран; запомнит и голубоглазая девочка из старого финского города Турку, много веков стоящего на берегу Балтийского моря.

1968 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Величие духа	3
Ворота России	11
Время работает...	15
Слово о рабочем классе	23
Две недели в гостях у арабов	29
Время Маяковского	53
Евгений Поповкин и его «Таврида»	64
Паром на Аланды	73

Анатолий Владимирович Софронов
ВЕЛИЧИЕ ДУХА

Редактор — **Б. ИВАНОВ.**

Технический редактор **Я. Борисов.**

А 00315. Подписано к печати 20/1 1969 г. Формат бум. 70×108¹/₃₂.
Объем 3,50 условн. печ. л. 4,80 учетно-изд. л. Тираж 100 400.
Изд. № 212. Заказ № 3361. Цена 10 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

**Госстрах
заключает
договоры
страхования
от несчастных
случаев**

с гражданами от 16 до 70 лет на срок от 1 года до 5 лет.
Страховая сумма выплачивается при постоянной утрате
общей трудоспособности или смерти застрахованного от
несчастного случая.

Страховой взнос уплачивается сразу за весь срок вперед
и устанавливается в зависимости от профессии страхова-
теля и рода производства, где он работает, в размере от
25 копеек до 1 руб. 20 копеек с каждых 100 рублей
страховой суммы в год.

Инспекция Госстраха имеется в каждом районе.

**Агента Госстраха можно вызвать к месту Вашего житель-
ства или работы.**

Главное Управление государственного
страхования РСФСР